

ЯНА ВУД



ПО ТРОПАМ
ВОЛШЕБНЫХ
ЛЕСОВ

Annotation

Хейта родилась человеком – простой деревенской девушкой. Но тот судьбоносный день изменил все.

Пастыри спасли Хейту от смерти и наделили волшебной силой. Вот только дар обернулся проклятием: ни люди, ни существа не жаловали таких, как она.

Хейту ждала жизнь, полная одиночества. Но судьба послала ей спутников, странников-изгоев, мечтавших покончить с темным прошлым и жить иначе.

Вместе они попытаются сохранить остатки мира между людьми и существами. Спасти тех, кто их отверг.

Но смогут ли они довести начатое до конца?

Ведь в Сумрачном лесу расплодилось зло. Химера, чью семью погубили люди, вышла из тени чтобы уничтожить людской род. А прошлое, которое Хейта и ее спутники так отчаянно старались забыть, вовсе не намерено их отпускать...

Яна Вуд

По тропам волшебных лесов

© Яна Вуд, 2023

© Анна Ремизова (RÉMICH), иллюстрация на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Список главных действующих лиц

ХЕЙТА – Фэй-Чар, или Чара, единственная из людей обладает волшебной силой, которую она получила от пастырей леса. Ее растение-покровитель – вишня.

ФЭЙР – целитель, травник, изобретатель волшебных артефактов, знаток волшебных зверей, побратим Хейты.

ГЭДОР – следопыт, обладатель перемещающего камня и волшебной карты, глава отряда. В прошлом за совершенные преступления его звали Черным Палачом.

БРОН – волк-оборотень, мрачный, немногословный, в прошлом промышлял разбоем.

ХАРПА – рысь-оборотень, дерзкая, смелая, ребенком выживала одна на улице, дерется лучше иного парня.

МАР – упырь, ловкий шутник, его прошлое таит темную тайну.

ХИЛЬРУКС, ИЛИ РУКС, – лиса-оборотень, коварная и подлая, правая рука химеры Мерек.

МЕРЕК – последняя из химер, безумная и кровожадная, одержима идеей мести, ненавидит людей.

ДОРГ ЛЮТЫЙ – темный Фэй-Чар.

ЛАХТА – мать Хейты.

ХАЛЬД – отец Хейты, погибший от лап волков-оборотней.

БРАЛЬД – дядя Хейты, брат Хальда.

БОРХОЛЬД – дед Хейты, не любит все, что связано с волшебством.

ШАРШИ – пастырь леса, глава пастырей, его растение-покровитель – василек.

ТЭШ – пастырь леса, брат Эйши, побратим Хейты, его растение-покровитель – колокольчик.

НАЙШИ – пастырь леса, глава группы существ Сумрачного леса, его растение-покровитель – дурман.

ВАРХ – деревенский мальчишка, главный обидчик Хейты.

ТИСХ – парень, пригласивший Хейту на осенний праздник Хэльфост.

БРАВ – стражник из города Хольгэста, любит все, что связано с волшебством.

ГЕРТ БАРГ РИЛЬД – правитель города Хольгэста.

КОВАР И СКАУН – шакалы-оборотни, спутники Рукс.

ЭСХАТ И ХОЙЯ – мороки-дремотники.

ДОРХ – старший брат Харпы.

БЕРХ – младший брат Харпы.

ХОБАРД – отец Харпы, глава рысей-оборотней Заповедного леса.

ЭШГАР – советник Хобарда.

РОЙХ – лисоволк Хейты.

АРГАТ – ручная голубая сойка химеры.

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВЕРИ И СУЩЕСТВА:

МОРОК-ДРЕМОТНИК – волшебное существо, обитает в мире грез, один его глаз и

рука – синие, другие – лиловые. Может навевать сон, а может погружать в грезы, неотличимые от реальности.

ЕДИНОРОГ – существо, похожее на лошадь, с рогом на голове, обладает бессмертием и может предвидеть будущее.

УКРУТ – невзрачное существо, ростом с ребенка. Укруты вынуждены прислуживать химере, так как она подчинила их волю.

ЛИСОВОЛК – существо, сочетающее в себе черты волка и лисы, может читать чужие чувства, сам выбирает себе спутника из людей.

ЛИСТОВКА – огромная ящерица, днем спит, ночью охотится, меняет окрас в зависимости от того, где находится. Если заглянуть ей в глаза, можно увидеть свое будущее.

МОХНОРОГ – огромное рогатое косматое существо, в несколько раз больше медведя. Спина его усеяна костяными отростками. Обитает в дремучей чаще волшебных лесов.

ДРАКОН – крылатый змей. Обитают драконы на Драконьих островах, существует множество разновидностей.

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ – крошечные бестелесные существа, обычно благосклонны к людям.

ГОРЭЙ – птицедева, может видеть прошлое и будущее. Может быть прекрасной как мечта и жуткой, как самый страшный кошмар. Появляется из ниоткуда. Исчезая, сторает, и никто не знает, куда она отправляется. Вестник великих событий.

ГОРГУЛЬЯ – уродливое крылатое существо с багровыми глазами. Не любит солнечный свет, от слишком яркого каменеет. Летает обычно по ночам.

БЭРДЭЛАГ – уродливое существо-людоед, крадет балованных детей, вешает их в мешках на деревьях, а потом ест живьем.

ВОГУР – северное существо, покрыто белым мехом, обычно притворяется сугробом и ворует зазевавшихся детей.

КРЭЗГОР – уродливое существо, похожее на крота, только в несколько раз больше. Его пасть усеяна тремя рядами зубов. Под землей перемещается с невероятной скоростью. Детей находит по нюху, копает ход до поверхности и утаскивает несчастную жертву.

АГОЛ – маленькое алчное существо, охотится за сокровищами. Сам работать не любит. Ворует детей, подавляет их волю и заставляет выкапывать ему драгоценности. Потом прячет находки в какой-нибудь пещере, а часть вплетает в шерсть и любит, как они сверкают на солнце.

ГЁРЭ – предсказатели-плющевики, маленькие зеленые человечки, обитают в зарослях плюща, к ним приходят за советом и приносят в благодарность угощения.

ПОВЕТРИЯ – жуткие существа, проявление первородной тьмы. Все живое обращают в небытие. Способны уничтожить миры.

ВОЛШЕБНЫЕ РАСТЕНИЯ:

ЗВОНЕЦ – когда цветы звонца качаются, они издают приятные звуки, способные на время унять даже самую горькую печаль.

СОН-ТРАВА – в сон погружает.

ПУТ-ТРАВА – со следа сбивает.

ВЕЧНЫЙ МОРОК – ядовитый кустарник с синими ягодами, их сок вызывает мгновенную мучительную смерть.

СНЫ-И-ГРЁЗЫ – волшебное растение с сине-лиловыми ягодами. отведав его, брошенные дети обратились в первых мороков-дремотников.

ИЗВЕЧНИК – невероятно редкий и красивый цветок, даже сорванный, он навсегда остается свежим и благоухающим.

ВОЛШЕБНЫЕ АРТЕФАКТЫ:

ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙ КАМЕНЬ– волшебный камень, способный перемещать своего владельца туда, куда тот пожелает. Гэдор называет его Странником.

ВОЛШЕБНАЯ КАРТА– показывает все Запредельные земли. Красным огоньком на ней горит то место, где случилась беда, столкновение между существами и людьми.

КУЛОН ИЗ КЛЫКА ДРАКОНА– обладает разными волшебными свойствами. Например, сохраняет жизнь тяжелобольным. А, если на нем поклясться и нарушить клятву, пламя дракона заберет твою жизнь.

КАМЕНЬ ЖИЗНИ– показывает, насколько серьезно болен человек, выживет он или нет.

ВОЛШЕБНЫЕ ЛЕСА:

ЗАПОВЕДНЫЙ ЛЕС– светлый, зеленый, деревья в нем высоки, обитает много прекрасных волшебных существ. Животные здесь привычного окраса, ночью лес озаряется блуждающими огоньками и волшебными фонариками пастырей леса.

СУМРАЧНЫЙ ЛЕС– мрачное место, где растут черные деревья – корды, с кожистой листвой и острыми шишками. Животные в этом лесу сплошь черны. Под покровом вечного мрака нашли пристанище разные недобрые существа. У этого леса дурная слава.

ОСНОВНЫЕ РАСЫ:

ЛЮДИ – хельды, дэронги, вогры, ламосцы, номаэты, дrevичи.

ОБОРОТНИ – волки, рыси, шакалы, белые медведи.

УПЫРИ – пьют кровь и любят сырое мясо.

ХИМЕРЫ – существа, объединяющие черты разных зверей, основные – это лев, горный козел, рыба и змея.

ПАСТЫРИ – хранители природы. Есть пастыри вод, лесов, гор, снегов, полей.

*Посвящается светлой памяти писателя
Гонтмахера Михаила Абрамовича*

Леса покрывали Запредельные земли с незапамятных времен. Одни леса были средоточием волшебства. Других оно не коснулось вовсе.

В волшебных лесах обитали всевозможные существа: упыри, что были вечно голодны, оборотни, что охотились в зверином обличье, пастыри, чьи глаза видели этот мир еще на заре веков. На мшистых тропах встречались диковинные звери. А о силе здешних трав в Запредельных землях ходили легенды.

Леса, которые волшебство обошло стороной, принадлежали людям. Одни леса были светлы, как летний полдень, и грели сердце ароматом душистых цветов. Другие сумрачны, как осеннее утро, и дурманили разум густым запахом хвои. Под сенью таких лесов не творились невиданные вещи. И все же по красоте они не уступали своим волшебным собратьям.

Но хотя существа и люди издревле жили бок о бок, дружбы между ними не было. Люди боялись волшебства и тех, кто им владел. Существа не доверяли людям. С древних времен раздоры расплзались по Запредельным землям, как пожары в засуху.

Череди изнурительных войн, перемежаясь краткими периодами затишья, утекала в прошлое бесконечной кровавой рекой. А потом разразилась та самая война. Последняя. Потомки нарекли ее Всесветной.

Тогда два мира сошлись с безумной целью – уничтожить врага любой ценой. И когда уже казалось, что Запредельные земли вот-вот захлебнутся в бушующем море пролитой крови, к участникам войны воззвали *пастыри*.

Самые древние и мудрые обитатели Запредельных земель, они давно уже твердили о мире, да только внимать им никто не спешил. Пастыри редко покидали места своего обитания – густые леса, неприступные горы и бурливые реки. Оттуда они черпали жизненную силу и силу волшебную. Но отчаянные времена требовали отчаянных мер.

Пастыри вышли к полям, где шли кровавые побоища. И золотистые всполохи света возвестили об их приходе. Люди подумали, что это подкрепление явилось для врага, и выпустили в воздух рой жалящих стрел. Но пастыри вскинули руки – и стрелы бессильно пали, цели своей так и не поразив.

Пастыри захотели потолковать с предводителем людей Рольдом Всемогущим и вожаком волшебных существ Бергом Тяжелая Лапа. Толковали прямо на ратном поле. Как они примирили враждующие стороны – было неизвестно.

Кто-то потом выдумывал, будто пастыри явили взору правителей мрачное будущее: бескрайние чёрные земли, которые навеки покинула жизнь. Другие считали, что они просто сломили их волю. Третьи рассказывали, что пастыри пригрозили враждовавшим скорой расправой. Ворох слухов окутал тот разговор.

Как бы то ни было, эта встреча положила конец войне. Люди и существа подписали мирный договор. Но отбросить вековые распри оказалось не так просто: обоюдная ненависть и недоверие никуда не ушли. И договор то и дело нарушали: то существа были не прочь полакомиться человечиною, то людям не терпелось их изрубить на куски.

Находились и те, кто желал сохранить мир. Так, существа спасали людей от когтей волшебных зверей. А люди сберегали существ от зверей двуногих, ловивших их для продажи на черных рынках. Но ни те ни другие не ведали, что над миром нависла новая угроза.

Существо, чей род давным-давно сгинул и был позабыт, устало скрываться в темноте. Оно жаждало мести. Желало крови. И преследовало одну-единственную цель – извести под корень ненавистных людей.

Тем временем в захолустной деревеньке произошло событие, которое казалось незначительным. Жизнь маленькой, никому не известной девочки должна была вот-вот угаснуть.

Но все великое обычно и начинается с событий, которые на первый взгляд кажутся нам незначительными. Ведь нет на свете ничего более важного, чем спасение жизни. Особенно детской жизни. И нет в мире чувства более сильного, чем любовь матери.

Вместе они обретают власть менять ход вещей. Получают силу, столь безудержную, что ее можно назвать волшебной. Силу, способную изменить мир.

Часть 1

Свет в ночи

– Вы сотворили меня себе на погибель, – безумно расхохотался Дорг Лютый.

– Никогда! – воскликнул пастырь. – Никогда больше этот мир не увидит нового Фэй-Чар! – и обрушил на Дорга Лютого всю свою мощь.

«ЛИСТЫ ПАМЯТИ» ПАСТЫРЯ НАЙШИ

Беда пришла промозглой осенью. В деревне Кихт, на границе с волшебным Заповедным лесом, занемогла маленькая девочка. Близкие из сил выбились в попытках ее исцелить, но все было тщетно. Время шло, а бедняжка продолжала неумолимо гаснуть.

Один из вечеров выдался особенно ветреным и холодным. Солнце устало клонилось к западу. Мрачные тени ползли по остывающей земле. В беспокойном небе зажигались первые тусклые звезды.

Крошечное тельце, бережно укрытое шерстяным одеялом, неподвижно лежало на мягко устланной лавке. Худенькое личико было белым как снег, брови мучительно сдвинуты, бледные губы беспомощно приоткрыты – несчастная тяжело и хрипло дышала.

Мать крутилась над девочкой, как насадка над цыпленком хворым. Простое синее платье, которое она не снимала уже несколько дней, сильно измялось. А длинные русые волосы, уложенные в толстую косу, совсем растрепались.

На лавке, сурово и неподвижно, точно окаменевший великан, сидел могучий старик. Немигающий взор его карих глаз был устремлен перед собой. Седая борода и глубокие морщины, испещрившие выдубленное солнцем и ветром лицо, выдавали преклонный возраст.

А над тремя безмолвными людьми под самой крышей, в дымном полумраке, повисло напряженное ожидание. Тяжелое, незримое и мучительное...

Внезапно послышался стук копыт. В дверь постучали, и звучный голос нетерпеливо произнес:

– Это я, Бральд. Отворяйте! Привел!

Женщина облегченно выдохнула: «Целитель!» Старик резко поднялся, шагнул к двери, отпер засов. Его невозмутимое лицо слегка дрогнуло – под маской видимого спокойствия таилась великая тревога.

Дверь со скрипом отворилась, открывая взорам людей невысокую фигуру в плаще с капюшоном. В полутьме лица было почти не видать. Старик прищурился, сясь разглядеть крючковатый нос, длинную бороду и морщинистое лицо – таков, по его мнению, был истинный целитель.

Вот незнакомец шагнул вперед, и старик распахнул глаза от изумления. Перед ним стоял не старец, не мужчина и не парень даже – мальчишка! Мальчишка, которому от силы годков тринадцать набежало.

Из-под плотного капюшона цвета лесного мха выбилась кудрявая прядь огненно-рыжих волос. Юная кожа мальчика, щедро усыпанная веснушками, даже намек не таила на морщины. И только ясные карие глаза казались многим старше своего владельца. Их взгляд источал необычайное спокойствие, завидную мудрость и знание.

У пояса целителя висела сума диковинной выделки, да и сам плащ, расшитый дивными, мерцающими в темноте травяными узорами, говорил, что трудились над ним не людские руки.

Старик нахмурился. Он привык к размеренной жизни вдали от городской суеты и не жаловал чужаков. А тех, кто якшался со всяким сбродом, умевшим творить чудеса, не переносил и подавно. Но лекарь был нужен, и когда этот мальчишка, спешно кивнув в знак приветствия, уверенно направился к постели больной, старик проводил его недовольным

взглядом, но смолчал.

Следом за целителем в дом вошел рослый русоволосый мужчина в длинном сером плаще, замызганных штанах и стертых сапогах. Глаза, точь-в-точь как у хозяина, только без красных прожилок и желтоватой старческой пелены, выдавали кровное родство. Крупные обветренные губы растянулись в улыбке.

– Насилу сыскал.

Юный целитель откинул капюшон, жестом указал женщине поднести поближе масляный светильник и бережно взгляделся в бледное, осунувшееся детское лицо.

– *Удушлица*^[1], значит, подкосила, – прошептал он.

Прикоснувшись ладонью ко лбу девочки, целитель качнул головой и недовольно нахмурился. Обхватив тонкую ручку у запястья, смежил веки и недвижно просидел так какое-то время.

– Полагаю, она больна уже неделю, не меньше, – наконец произнес мальчик, вопросительно поглядев на женщину.

– Сегодня восьмой, – скорбно ответила та.

Тревога в глазах незнакомца уступила место горечи.

– Отчего не позвали раньше?

– Да как мы могли? На отшибе живем! – всплеснула она руками. – Случайно от проезжих людей узнали, что есть такой, именем Фэйр, всем лекарям лекарь. А пока ее соседка травами лечила, да, видать, без толку!

– Хворь эта жутко опасная. Травы – хорошо, да только одних лишь трав мало, а время упущено! Сердце едва бьется, и она холодна как лед. – Фэйр замер в раздумьях и, что-то сообразив, принялся лихорадочно обшаривать просторную суму. Мигом позже он извлек на свет невзрачный мутноватый камень и проворно вложил его в бледную детскую ладошку.

Сперва ничего не происходило. Потом в сердце камня зажглась крошечная золотая звездочка, точно внутри зародилась неведомая жизнь. Ее свет делался все ярче и ярче, и вскоре заполонил камень до краев. Но вдруг из золотистого сделался темно-красным, после фиолетовым, черным и, наконец, безвозвратно угас.

Лицо Фэйра омрачилось. Он забрал камень, задумчиво покрутил его в пальцах и тяжело вздохнул.

– Что... что это значит? – тревожно воскликнула женщина.

– Это *камень жизни*. Черный цвет говорит, что человек стоит у черты. Мне жаль, но я не могу ей помочь.

Женщина взвыла от горя, слезы покатались по бледным щекам. Тут доселе молчавший старик не выдержал:

– На что только ждали тебя, окаянный! – его голос прогремел, подобно раскату грома. – Надеждой тешили себя, и все впусте! Чтоб ты, сосунок, чародейскими штуками перед нашими носами помахал?! Пошел прочь!

Мальчик сочувственно поглядел на старика. Колкие слова, казалось, совсем его не заделали.

– Я испробовал камень не для того, чтобы вас помучить, а чтобы понять, как поступить, – тихо проговорил он. – Стоит ли пытаться девочку исцелить, или я лишь потеряю драгоценное время. Теперь вот вижу – нужно вас к другим врачевателям отправлять. Воистину великим, коим я и в подметки не гожусь.

Женщина тотчас притихла. Старик исподлобья взглянул на Фэйра. Бральд подался

вперед.

– Живут недалеко, – продолжил Фэйр. – Точной дороги не подскажу. От вас до них не ходил. Но не тревожьтесь, так или иначе дойдем! Вот только не знаю, придутся ли они вам по нраву...

– Что за целители такие? – нахмурился старик. – Насилу про тебя прознали, а больше поблизости не налезть на людей.

– А я говорил не о людях. – Глаза Фэйра посерьезнели. – Думаю, вам известно о ком. В сердце Заповедного леса на Лучистой поляне живут те, кого в народе именуют пастырями. Они называют себя «айши», что на всеобщем языке означает – *первые*, ибо верят, что прежде других пришли в этот мир. Способность пастырей творить чудеса не знает равных. Смогут спасти или нет – утверждать не возьмусь. Однако более мне вам предложить нечего...

– Этому не бывать! – прорычал старик. – Мало что тебя, их пособника, в дом пустил, так еще и внучку родимую должен к ним вести. Не дожدهшься! – Глаза старика метали молнии. – Об этих лиходеях я вдоволь наслышан! Кожа цветом как у лягушки, волосы как наши рубахи крашенные. И творят невесть что. Зло замышляют! – Он грозно упер руки в бока. – Убирайся отсюда, молокосос, покамест я тебе не помог!

На этот раз Фэйр переменялся в лице. Брови мальчика сдвинулись, улыбка сбежала с губ, бледная кожа пошла пятнами от нанесенной обиды. Он хотел было возразить, но сдержался. Устало пожал плечами и шагнул к двери, как вдруг женщина выросла у него на пути.

– Постой! Не спеши уходить! – взмолилась она и обернулась к старику. – Ты не прав, Борхольд. Если есть возможность спасти ее, нужно отправляться немедленно!

– Лахта! – в негодовании воскликнул старик. – Не ты ли прошлой весной в том лесу потеряла мужа? А нынче в это гиблое место рвешься дочку вести?

– Твоего сына сгубили не пастыри. – Глаза женщины холодно сверкнули. – Тебе ведомо кто. Но давным-давно уж ни слуху ни духу про них. Видно, ушли они отсюда. А с пастырями Хальд был дружен и хорошо говорил о них. – Внезапно голос ее зазвучал мягче: – Правду ты молвишь, потеряла я мужа... Но дочке так просто уйти не позволю! А не захочешь идти – пойду сама! Целитель проведет.

– Заплутаете и непременно сгинете! – гневно бросил Борхольд.

– Не сгинут! – выступил вперед его младший сын. – Я их до пастырей проведу. Бывал там с братом не раз.

– Бральд! – в сердцах вскричал старик.

– А что, – потупился тот. – Не все ж Хальду было твой запрет преступать. А коли надежда на спасение есть, по мне, тут и думать нечего!

Глаза Борхольда метали молнии. Он глядел то на Лахту с Бральдом, то на Фэйра. В нем шла нешуточная борьба. Но потом взгляд его упал на любимую внучку, и лицо старика дрогнуло. Он вздохнул и обреченно проговорил:

– Что с вами делать. В лес, так в лес. Не пускать же одних.

– Ну вот и славно! – обрадовался мальчик. – А я сделаю так, чтобы девочка не угасла, пока мы будем добираться до места.

Он вытащил из-за пазухи диковинный амулет. Маленький дракон, раскинув могучие крылья, гордо летел вперед. Фэйр снял его и бережно надел девочке на шею.

– Амулет этот вырезан из клыка настоящего дракона! – пояснил целитель. – И сохраняет жизнь тяжелобольным. Покуда он на теле владельца, сердце того биться не перестанет.

Говорят, сам *Аргалий*, предводитель *Снежных драконов*, некогда подарил пастырю выпавший клык, а тот вырезал волшебный амулет. – Фэйр улыбнулся Лахте. – С этим амулетом твоя дочь под надежной защитой.

– Благодарю! – порывисто ответила та.

Глаза старика потеплели, но он тут же принял привычный суровый вид.

– Ну, довольно болтать. В дорогу пора.

Все тотчас засуетились. Лахта взяла дочь на руки и бережно опустила ее в шерстяную перевязь. Старик подвесил к поясу охотничий нож, положил в дорожный мешок плетенку с водой и немного душистого хлеба. Бральд принялся из пучка бересты мастерить факел, но мальчик его осадил:

– Не трать время зря, найдется чем посветить.

Путники плотно закутались в теплые плащи, затушили светильники и один за другим нырнули в густеющий полумрак.

Замерзший день спешил уйти на покой. Медленно догоравшее солнце утопило в красном мареве линию горизонта. В надвигавшихся сумерках бескрайний Заповедный лес, чьи вековые деревья возносились макушками до самых небес, казался опасным, зловещим и жутким. словно и не лес это был вовсе, а свирепое полчище жестоких, непобедимых великанов.

Бральд помог Лахте с дочерью взобраться на коня. Серый в яблоках скакун дернулся и строптиво заржал, верно, почуяв, что путь предстоял непростой.

– Ну-ну, будет тебе, Хорд, – ласково прошептал Бральд, и жеребец послушно присмирел.

– Красивый у тебя конь, – заметил Фэйр, любовно похлопав того по мягкому боку.

– И умный, – гордо добавил Бральд. – Говоришь с ним и по глазам видишь: все понимает. Только что молчит.

– И вам будет уже языками молоть! – оборвал его Борхольд, перенимая поводья. – Не за грибами собрались. Пойдем тихо. Чем меньше народу нас увидит, тем лучше, не то потом не оберешься расспросов.

Сойдя со двора, путники спустились с пригорка и направились к деревянным воротам. Вышло лучше, чем загадывали, – им вообще никто на пути не встретился. А привратник мирно дремал у себя в сторожке, на их удачу позабыв запереть ворота на засов. Выпустив людей, они со скрипом захлопнулись. Несчастный привратник подскочил как ошпаренный, сиюсь уразуметь, что произошло. Смекнул и кинулся к воротам, досадливо бормоча себе под нос.

– Ветер шалит, вестимо. Ну и хорошо. Пробудил ото сна. Как же это я! Запереть запаматовал! Старый дурак!

Широкое поле густо поросло высокой косматой травой. Шагалось мягко, но нелегко, ноги вязли, как на болоте. Отовсюду, крадучись, точно вор в ночи, напелзал рваный белесый туман. Окружая путников, туман застилал взор, понуждая двигаться еще медленнее и тяжелее.

Стволы деревьев возникли перед ними внезапно, точно по волшебству. Корявые, суковатые, мшистые, они крепко сцепили длинные ветви, как руки, и явно не намерены были никого пропускать.

Но чуть поодаль от замерших путников, меж стволами двух толстокорых вязов, виднелся

небольшой проход, за которым беспрестанно шевелилась мутная лесная темнота.

Бральд обернулся к мальчику.

– Ты говорил, найдется чем осветить.

– Найдется, – ответил тот и спешно извлек из дорожной сумы диковинный предмет. Ясный свет, серебряный, как гладь реки под луной, заставил полумрак отступить. – Немеркнущий светильник, – улыбнулся Фэйр.

– Вот это диво! – выдохнул Бральд. – Никогда подобной красоты не видал. Как он тебе достался?

– Сам сделал, – пояснил Фэйр. – Немного лунного света – пастырей подарок. Старая железная основа, чуть умения – и светильник готов! – Он с улыбкой протянул его Бральду.

– Прими его, отважный проводник, и веди!

Тот воздел светильник перед собой. И путники один за другим ступили под полог непроглядного волшебного леса.

Светильник сиял, точно одинокая звезда на иссиня-черном небосводе. Стволы зеленых громадин грозными стражами подступили к притихшим путникам. Безликие тени жуткими чудищами забегали по земле, злорадно кривляясь и скалясь, со всех сторон протягивая к людям длинные когтистые лапы.

Сбросив оцепенение, путники неторопливо двинулись вперед. Из-под густого ковра осенних листьев проглядывала мелкорослая травка – то тропка лесная, робея и таясь, приткой змейкой петляла меж деревьев и спешно утекала прочь.

– Братец твой проложил? – спросил мальчик Бральда.

– Он, кому же еще, – откликнулся тот. – Хальд всем сердцем любил этот лес. Приходил сюда и в холод, и в зной, по грибы да ягоды. Просто побродить, чудес повидать. Он проложил здесь не одну тропу, среди них и та, что ведет к обители пастырей.

– Таковую любовь к волшебному лесу нынче встретишь нечасто, – ответил Фэйр и добавил тихо, так, чтоб не услышала Лахта. – А что случилось с ним?

– Обратни из волков, – так же тихо ответил Бральд. – Он сдружился с ними. И поплатился за это жизнью. Они предали его и растерзали.

– Не похоже на волков-оборотней, которых мне доводилось встречать, – покачал головой Фэйр.

– Дивиться нечему, – пожал плечами Бральд. – Уверен, среди них, как и среди людей, есть достойные, а есть... черные сердцем. Видно, тебе, на удачу, попадались лишь первые.

Мальчик не нашел что возразить. И какое-то время путники двигались молча. Глаза их постепенно привыкали к темноте. Палые листья мелодично шелестели под ногами. Где-то в недрах лесной чащи протяжно ухнула сова. Недовольно прошуршал листвою встревоженный еж. В воздухе витал густой пряный запах леса.

– Ничего не пойму, – вдруг буркнул Борхольд.

– О чем ты, отец? – обернулся Бральд.

– Долго уже идем, а еще не видали ничего необычного. Лес как лес.

Бральд и Фэйр понимающе переглянулись.

– На опушке волшебного немного, – ответил мальчик. – Так же, как вы, люди, боитесь чащобы и ее обитателей, они страшатся вашей деревни и вас. – Он улыбнулся. – Потерпите, скоро Заповедный лес предстанет перед нами во всей красе!

– Сгораю от нетерпения, – язвительно пробормотал тот.

Слова Фэйра не замедлили сбыться. Неожиданно среди деревьев замерцал нежный голубоватый огонек. Приблизившись, путники различили, что таинственный свет исходил от цветка. Крупный и бархатистый, с продолговатыми остроконечными лепестками тот сиял радужно и живо, бесстрашно отгоняя темноту.

– То ли я сплю, то ли цветок взаправду светится! – утратив самообладание, изумленно прошептал Борхольд.

– Это *звонец*, – ответил Фэйр. – Покачиваясь, звонцы издают удивительные звуки. Говорят, их музыка может на время унять даже самую горькую печаль.

Будто услышав мальчика или не устояв под порывом знобкого ветерка, дивный цветок качнулся, и до ушей путников донесся мелодичный перезвон.

И от этого перезвона все четверо вдруг задышали свободно и радостно, точно их тревоги

и страхи начисто смыло родниковой водой. Некоторое время они не смели проронить ни звука.

– Цветок себе и цветок, – наконец, делано равнодушно пробурчал старик. – Брешут всё! – Но глаза его, заблестевшие ярче, говорили об ином.

На замшелых деревьях зажигались крохотные звездочки. Под пристальным взором путников они превращались в диковинные грибы с толстыми золотистыми шапочками на длинных охряных ножках.

Люди и глазом моргнуть не успели, как в лесу сделалось светло, как днем. Бральд за ненадобностью даже светильник опустил.

– Чудеса, да и только! – позабыв про напускное равнодушие, подивился Борхольд. Как вдруг лицо его вмиг посуровело. Он перехватил руку Фэйра и сдавленно прошептал:

– Там, за деревом!

Путники настороженно пригляделись. В гуще бурых кустов светилась пара пронзительно-синих глаз. Качнулись ветки, и неведомый зверь выступил вперед.

Он был крупным. Крупнее даже волка. Длинные ноги его были совершенно черны, а поджарое тело было серым как мгла, и одинокими огнями горели в ней рыжие подпалины.

Зверь глядел на людей в упор, не мигая и ничуть не таясь, но в этом взгляде не читалось угрозы, лишь спокойствие и любопытство.

Глаза Фэйра широко распахнулись.

– Да это же *лисоволк*!

Борхольд нахмурился.

– Кто-кто?

– Лисоволк, – повторил Фэйр. – Этих зверей так прозвали оттого, что они сильны и выносливы как волки, но и лисьей хитрости им не занимать. Похожи они и на тех и на других.

– Готов поспорить, этому лисоволку не терпится отведать свежей человечины, – прошептал старик, извлекая из-за пояса наточенный нож.

– Какое там! – поспешил остановить его Фэйр. – Лисоволки не опасны! Они миролюбивы. Могут улавливать чужие чувства и желания. Из них выходят отменные спутники.

– Спутники? – переспросил Бральд.

– Лисоволков можно приручить, – кивнул мальчик. – Но хозяина они выбирают сами, оставаясь ему верны на всю жизнь.

– Что ему здесь нужно? – недоверчиво отозвался Борхольд.

– Быть может, он почуял что-то, – пожал плечами Фэйр, – или кого-то. – Взгляд его невольно коснулся Хейты.

– Ладно, – бросил старик. – Раз он не представляет угрозы, думаю, нам пора.

Фэйр кивнул, и путники разом двинулись вперед. Лисоволк еще некоторое время глядел им вслед, а после неслышно растворился в зелени высоких кустов.

Тропинка бежала вперед: то резво прыгала с кочки на кочку, то проворно скатывалась с горки. Порой она лукаво разбегалась в стороны, но Бральд без труда признавал, куда надлежало сворачивать. Да это и немудрено: в лучистом свете волшебных огней тропа была как на ладони.

Но длилось это недолго. Вскоре синие цветы и прочие огоньки стали встречаться реже, понуждая путников сбавить ход, а после совсем исчезли, и вековой лес вновь потонул в

угрюмой беспросветной темноте, стал такой, что и шагу не ступить. Могучие ветви в длинных серо-зеленых одеждах изо мха нависали над тропой. Колючие кусты то и дело цепляли путников. Поперек дороги часто попадались огромные трухлявые бревна. Идти приходилось медленно, чтобы невзначай не пропустить коварную развилку.

– Держите ухо востро, – строго наказал Фэйр. – Края пошли беспокойные.

– Ну вот, – с довольным видом прошептал Борхольд, – теперь лес походит на то, каким я его представлял.

– Ты словно рад этому! – изумленно оглянулся на него Бральд.

– Да нет, конечно, – качнул головой тот. – Но все ж люди правду говорили, опасен он.

– Вестимо, опасен, – бросил Фэйр. – Как будто обычные леса не опасны! И в них водятся хищные звери. И можно запросто сгинуть, на них наткнувшись, заблудившись или в болото какое угодив. Здесь все то же, только щедро приправленное волшебством. И несведущий в этом пропадет, не успевши пикнуть. На то я с вами и пошел.

– Тут, я слышал, водятся кровожадные чудовища, которые только и жаждут, что тебя сожрать! – не унимался Борхольд.

– Эх, чего только люди не выдумают со страху, – печально вздохнул Фэйр. – Какой-нибудь хищный зверь, понятно, не прочь будет нами подзакусить. Будто голодный волк при встрече пощадил бы. Но ведь его в том никто винить не станет. Он питается мясом, и для него мы еда.

– Волк волком, а тут, сказывают, твари здоровенные! – стоял на своем старик.

– Ну, положим, – кивнул Фэйр. – А если представить стаю волков?

– Будет вам препираться уже! – нетерпеливо оборвал их Бральд.

– Тише! – вдруг шепотом вскричала Лахта. – Слышите?

Путники враз смолкли и обратились во слух. Неясный гул нарушил лесную тишину.

– Быть может, водопад неподалеку шумит, – неуверенно предположил Борхольд.

– Не припомню я тут водопадов, – возразил Бральд.

– Идемте, только тихо, а там поглядим, – прошептал Фэйр.

Но не успел он сделать и шагу, как оглушительный грохот раздался за их спинами, словно сама земная твердь разверзлась, тщаь поглотить непрошенных гостей. Конь истошно заржал и рванул было вперед, но крепкие кулаки старика удержали поводья. Точно примороженные, позабыв, что надо дышать, путники медленно обернулись.

Яркий свет выхватил из темноты огромную желто-бурую морду с узкими черными ноздрями, раздвоенным языком и большими, горящими глазами. Распахнулась бездонная пасть, обнажив ряд острых зубов, и грозный рокот, рожденный в недрах неведомого существа, вылился в яростный оглушающий рев.

От неожиданности Борхольд таки выпустил поводья. Хорд вздыбился и понес. Вмиг опомнившись, кляня себя на чем свет стоит, старик со всей мочи кинулся следом.

– *Листовка*, – хрипло прошептал Фэйр. – Ящерица-невидимка.

– Что будем делать? – в смятении проорал Бральд.

– Бежим! – крикнул целитель.

И, не раздумывая больше, они бросились наутек.

Летели как ошалелые, спотыкаясь об острые камни, палые сучья и трухлявые пни, чудом перемахивая через мшистые бревна. Ветки больно хлестали по щекам, колючки остервенело впивались в кожу.

Тропа, не тропа: о том теперь заботиться было некогда. А вслед за ними, сотрясая

землю тяжелой поступью, неся разъяренный зверь.

– Может, светильник припрятать пока? – крикнул Бральд.

– На что? – прокричал в ответ Фэйр. – Только ей услугу сослужим! Листовка во тьме видит как днем. А вот мы без света далеко не убежим.

Едва он успел это проговорить, как воздух вспорол пронзительный женский крик. Фэйр и Бральд замешкались на мгновение и горько за это поплатились.

Мощный удар сшиб их с ног и отшвырнул, как щенков, на корявые дубовые корни. Слабо застонав, они медленно приподнялись. Фэйр нащупал светильник, оброненный Бральдом, и воздел его перед собой.

Лахта лежала на земле, бесстрашно прикрывая дочь собственным телом. Видно, в седле им удержаться не удалось. Перед ней, сжимая в руке охотничий нож, стоял Борхольд. Вид он имел угрожающий: кустистые брови сурово сдвинуты, небольшие глаза грозно прищурены, тело напряжено, точно копье, вот-вот готовое ужалить.

Страшная ящерица возвышалась над ними подобно острому утесу, но нападать не спешила. То ли опасливо выжидала, то ли решила поиграть напоследок с добычей. С легким свистом втягивался и выпускался ее длинный липкий язык.

Растеряв остатки терпения, Борхольд воинственно зарычал и кинулся вперед, метя ножом в большой, ядовито-красный глаз. От неожиданности ящерица попятилась. Нож голодно звякнул о стальную чешую и отскочил, едва не вывернув старику руку. Ящерица тут же лязгнула зубами, силясь отхватить обидчику голову, но Борхольд ловко увернулся.

– Им надо помочь! – яростно закричал Бральд.

– Ага, надо, – эхом отозвался Фэйр, лихорадочно копаясь в дорожном мешке.

– Чего ты там ищешь? Лечить, что ли, зверюгу эту собрался? – Бральд с досадой махнул рукой и, подхватив с земли тяжелую палку, с диким криком бросился на подмогу.

Фэйр на него даже не взглянул, а продолжил спешно перебирать свои пожитки.

– Брал же с собой эту штуковину! Махонький мешочек. Неужто забыл? Дурень беспамятный! Погоди-ка, а это что?.. Нет, не то! Загрызи меня упырь, да что же это такое!

Когда Бральд подоспел на выручку, Борхольд уже подымался с земли, потирая ушибленное плечо. Листовка вперила в Бральда огненный взор и угрожающе зашипела. Тот только палку крепче перехватил, решительно стиснул зубы и как следует замахнулся.

– Нашел! – ликующе возопил Фэйр, выудив из сумки пестрый мешочек. – Она или нет? – Он поднес мешочек к носу и тут же отдернул руку. – Она самая, – пробормотал он заплетающимся языком, – *сон-трава*.

Поднявшись на ноги, Фэйр обнаружил Бральда на земле в гряде щепок – все, что осталось от увесистой дубины. Борхольд же бесстрашно стоял между зверем и его добычей, выставив перед собой могучие, заскорузлые руки.

– Эй! Громадина! – закричал Фэйр, но диковинная ящерица не обратила на него никакого внимания.

Тогда в ход пошел тяжелый голыш. Звяк – камень угодил в бугристый затылок. На этот раз чешуйчатая голова обернулась. Опасно сверкнули хищные глаза, воздух сотряс очередной раскат утробного рева.

– Вот так. Иди сюда, – прошептал юнец и добавил задиристо: – Что я, по-твоему, невкусный? Да ты таких еще не пробовала!

Листовка грозно двинулась навстречу Фэйру, полетела вперед рогатая голова,

разверзлась клыкастая пасть. Но ему только того и надо было. С решительным криком целитель метнул в бездонную глотку заветный мешочек и тут же проворно откатился в сторону.

Ящерица недоуменно поелозила языком, прикусила странную вещицу и... пошатнулась. Страшная голова накренилась влево, потом вправо, листовка стала беспомощно оседать, а мигом позже, обиженно взыв, тяжело повалилась набок.

Бральд и Борхольд, не стовариваясь, кинулись к Лахте. Женщина приникла губами к детскому лбу и задрожала от ужаса – он был таким холодным! Она чутко прислушалась и облегченно выдохнула – медленно и неохотно, но сердце дочки стучало. Амулет целителя не подвел.

Борхольд неприязненно покосился на ящерицу.

– Издохла?

– Уснула просто, – качнул головой мальчик. – От сон-травы.

Держа светильник в вытянутой руке, он подошел к невиданному зверю и, проведя ладонью по теплomu чешуйчатому боку, с благоговейным трепетом выдохнул:

– Листовка...

Бральд недоуменно нахмурился. «Что за странное назвище?» – подумалось ему. Как вдруг в струящемся лунном свете он заприметил нечто, отчего его серые глаза удивленно распахнулись.

По длинному телу ящерицы шел частый рисунок, один в один напоминавший извилистые листовые жилки. А цвет ее блестящей чешуи: бурый, желтый, зеленый – повторял все многообразие оттенков палой листвы.

Путники ахнули – не ящерица лежала перед ними, а бугристое всхолмье, щедро припорошенное осенними листьями.

– И впрямь листовка-невидимка! – восхищенно присвистнул Бральд. – Потому-то мы ее и не заметили!

– Да, притаиться на виду – это листовки умеют лучше всех! – кивнул словоохотливый Фэйр.

– Может, пойдем уже? – нетерпеливо вмешался Борхольд. – Или дожидаться будем, пока чудесная ящерица ваша проснется?

Спорить никто не стал, все устало двинулись вперед. Но сколько ни брели, больше тропки найти не удавалось. Заповедный лес провожал их подозрительными взглядами. И вдобавок ко всему с каждым шагом становилось все темней и темней.

– То ли тут темнота какая-то особая, чародейская, – не выдержал Борхольд, – то ли светильник хваленый перестал мрак разгонять.

Мальчик пристально оглядел светильник и огорченно цокнул:

– Разбился! Видать, когда нас листовка сшибла с ног. Скоро совсем погаснет.

Бральд кивнул.

– Надо поторопиться!

Они ускорили шаг, но в таком тусклом свете быстро двигаться не получалось. Чуть погода лунный свет окончательно истаял, а вместе с ним канули в небытие и надежды отыскать тропу. Бродить в потемках толку не было – все это хорошо понимали. Не стовариваясь, хмурые и удрученные, они без сил опустились на землю, привалившись спиной к широкому древесному стволу.

Первое время люди сидели молча, каждый погруженный в свои невеселые мысли. В лесу было тихо. Даже беспокойный осенний ветер уснул, то ли от усталости, то ли от скуки. Лишь изредка какой-нибудь пожелтый лист срывался с ветки и с печальным шелестом опускался на землю.

– Что дальше делать будем? – наконец нарушил молчание Борхольд.

– Ждать, пока я что-нибудь не придумаю, – отозвался Фэйр. – Или пока не рассветет, тогда тьма хоть немного рассеется.

– Предлагаю ждать у костра, – вмешался Бральд, поднимаясь. – Лахта уже как осиновый лист трясется. Да и меня, надо признать, дрожь побивает слегка.

Фэйр тоже подскочил. Вдвоем они натаскали немного сушняка и мха для растопки. Но сколько ни пыхтел над ними с кремнем и кресалом Бральд, а потом и Борхольд, – пламя не занималось. В лесу было сыро, и хворост напитался влагой. Крошечные искорки, едва народившись, тут же тускнели и гасли.

– Ты бы помог, что ли! – вконец потеряв терпение, бросил Фэйру старик.

– А что я могу? – изумился тот. – Всякие штуки волшебные – это всегда пожалуйста. Но сам-то я не волшебник! Не пастырь какой-нибудь. Простой человек. И не умею так – махнул рукой, и загорелось!

– Да знаю, – скривился Борхольд. – Ну, мало ли что у тебя там в суме еще припасено.

– Не, ничего такого нету, – с сожалением ответил тот.

Старик кивнул и неожиданно хлопнул в ладоши.

– Тогда давайте поедим. Как у нас в деревне любят говорить: «Утолишь голод – позабудешь холод». – С этими словами он извлек из мешка душистый хлеб, разломил его и раздал своим спутникам.

Ужинали молча, запивая водой. Всего ничего – но озноб и правда отступил. Пережитый ужас постепенно разжимал когти, неохотно обращаясь в свежее воспоминание.

– Так что это был за зверь? – спросил Борхольд.

– Обычный волшебный зверь, – нехотя ответил Фэйр, ожидая подвоха. – Ночью видит как днем, зато днем не видит ничего. Оттого днем спит, а ночью охотится. С холодами листовки в спячку впадают. Вообще, они особой храбростью не отличаются, из-за зрения своего и оттого, что живут в глуши. Ума не приложу, отчего эта так яро набросилась...

– А что в них такого волшебного? Ну, прячутся искусно, ну так это и наши звери умеют, – крикнул старик.

– В глазах, – был ответ. – Говорят, если заглянуть в глаза листовки, можно увидеть свое будущее.

– Да ладно! – недоверчиво бросил тот. – А не брешут?

– Не знаю, сам не пробовал, – пожал плечами мальчик. – Да и, думается мне, мало кто видел. Она же не станет смиренно стоять и ждать.

– Кто его знает, – задумчиво проронил Борхольд. – Глазищи-то у нее здоровенные, что два колодца... Быть может, и не брешут.

Они помолчали.

– Чую, после нашего странствия в деревне добавится рассказов про огромных кровожадных чудовищ, кишмя кишящих в Заповедном лесу, – невесело усмехнулся Фэйр.

– Про поход я ни с кем трепаться и не собирался, – отрезал Борхольд. – А если бы и стал, такого бы не сказал.

– Неужто? – настал черед мальчика удивленно поднять брови.

– То, что ящерица огромная, – это да, – качнул головой старик. – Но так ты того и не скрывал. А что до кровожадных чудовищ... Кидалась, конечно, здорово. Но ведь ты сам про спячку сказал. А сейчас самое время – зима на носу. Видать, листовка и спала, покуда мы не помешали. А когда животное вот так подынешь, оно с голодухи напрочь лишается страха. Взять хотя бы нашего медведя. Тот так накинется – пикнуть не успеешь!

Губы Фэйра тронула благодарная улыбка.

– А справился ты с ней ловко, – усмехнулся Бральд. – Уснула на раз-два. И как только тебе это в голову пришло!

– Ну, я с волшебным миром давно знаюсь, – принялся разъяснять Фэйр. – Порой дела творятся опасные. Мечом махать я не научен. А вот в волшебных вещицах знаю толк.

– Ты нас от гибели спас, – сказала Лахта. – Спасибо, Фэйр. Мы у тебя в неоплатном долгу.

Тот покраснел до кончиков ушей. Вдруг его внимание привлек крохотный огонек. Выскользнув из-за мохнатой сосны, он озарил полог леса золотистым светом и уверенно поплыл навстречу путникам. А за ним еще один и еще.

– Это что такое? – грозно воскликнул старик.

– Блуждающие огоньки! – выпалил Фэйр, вмиг оказавшись на ногах. – Они не опасны. Встретить огоньки на своем пути – великая удача! – он довольно потер ладони.

Блуждающих огоньков тем временем становилось все больше и больше. Вынуждая темноту отступить, они подплыли к замороженной Лахте, словно желая утешить ее и приободрить. Беспреданно меняя размер и форму, они делались то светлее, то ярче, источая теплый немеркнущий свет. Как вдруг все огоньки разом отлетели в сторону.

– Что это они? – взволнованно спросила Лахта.

– Хотят, чтоб мы последовали за ними, – догадался Фэйр.

Путники переглянулись – делать было нечего. Фэйр уверенно двинулся первым. Бральд помог Лахте подняться, и они не спеша двинулись следом. Замыкал ход Борхольд, бросавший в сторону огоньков подозрительные взгляды.

Нежданные проводники летели скоро, ловко петляя меж косматых деревьев. Путники шли каких-то полчаса, а показалось – вечность. Когда чего-то нетерпеливо ждешь, мнится, что время течет иначе.

Оказавшись подле Фэйра, Лахта проговорила:

– Спасибо тебе!

– Не благодари раньше времени, – тихо ответил тот.

– Я верю, что пастыри смогут помочь, – уверенно сказала она. – Их волшебство не знает себе равных!

– Тебе о них что-то известно? – улыбнулся Фэйр.

– Немногое, – пожала плечами Лахта. – Страсти, конечно, всякие, что деревенские любят порассказать. Но я не внимала им. Покойного мужа слушала. Хальд сказывал про волшебство. Не про целительство, правда, про чудеса разные. – Она мечтательно улыбнулась, припоминая былое. – Говорил, вид у пастырей дивный. Кожа цвета свежей листвы и сочного мха. Волосы – всех оттенков лесных ягод и цветов. На лицах отметины – серые, витиеватые. – Она задумалась на мгновение. – А вот что они значат – не ведаю.

– Отметины эти повторяют очертания растений, что подарили цвет их волосам, – пояснил Фэйр. – Каково растение пастыря – такова его суть. К примеру, подснежник говорит о веселом нраве и доброте, а вьюнок о мягкости и скромности.

– А как они растения выбирают?

– Они не выбирают, – ответил мальчик. – Такими рождаются. Родители сразу и угадывают растение по отметинам.

– Какое диво! – прошептала Лахта. – Вот почему Хальд говорил, что в пастырях сокрыта сила самого леса, его тайная суть.

– Правильно, таковы *пастыри лесов*, – кивнул Фэйр.

– А бывают и другие? – удивилась она.

– Вестимо, бывают, – ответил он. – *Пастыри вод*, например, или *пастыри гор*. Повсеместно населяют они Запредельные земли. Владеют всеми языками и могучим волшебством. Но пастыри лесов кажутся мне особенно удивительными.

– Отчего?

– Лишь они одни из пастырей могут насыпать волшебные *видения*, – пояснил Фэйр. – Порой они не отличимы от реальности. А порой сияют, как далекие звезды.

– А могут ими быть плоды пузырной травы?^[2] – спросила Лахта.

– А то! Их пастыри леса вместо светильников держат. А отчего... – Голос мальчика оборвался при виде большого оранжевого фонарика, что неспешно плыл им навстречу. Внутри фонарика ярко горела волшебная ягода.

Лахта осторожно коснулась его пальцем. В тот же миг фонарик рассыпался мириадами сверкающих огоньков. Они устремились вверх и незаметно истаяли в воздухе.

– Кажется, пришли, – улыбнулась она.

– И успели доложить о себе, – усмехнулся Фэйр. – Этот фонарик еще и неустанный ночной часовой.

Мальчик обернулся и поспешил обрадовать остальных. Скоро им встретилось еще несколько волшебных фонариков. Вокруг снова делалось светлее. Потом молчаливые деревья

расступились, выпустив людей на просторную поляну.

Посреди прогалины величаво возвышался исполинский дуб. А по краю стояли дубы пониже, но не менее крепкие и горделивые. То здесь, то там в воздухе мерно покачивались сияющие волшебные светильники.

– Лучистая поляна... – прошептал Фэйр.

Лахта недоуменно нахмурилась.

– Но где же дома?

Фэйр загадочно улыбнулся.

– А ты присмотрись.

Лахта прищурилась и невольно шагнула вперед.

– Это что в дереве... дверь?

– И дверь, и окошки, – ответил мальчик. – Не в нем одном – во всех деревьях на поляне.

Легенды гласят, что давным-давно, на заре веков, пастыри селились подле молодых деревьев. С годами те высились и мужали, заботливо обступая уютные хижины. И как сами пастыри были неразделимы с лесом, так их жилища стали неразделимы с деревьями.

Лахта растерянно закрутила головой.

– А теперь куда?

– К дереву-исполину, – кивнул Фэйр. – Здесь живет глава поселения. Самый древний и мудрый, он и в волшебстве искуснее всех.

Фэйр уверенно направился вперед, но в дверь постучать не успел. Фонарики службу несли исправно – в окошках зажегся свет. Тихо скрипнув, отворилась дверь, выпустив невысокую стройную деву. При виде ее все четверо невольно замерли.

Кожа девы была цвета молодой травы. Бледно-лиловые волосы ниспадали до самой земли. На щеках ее темнели витиеватые очертания стеблей шалфея. Проникновенные глаза таинственно мерцали, словно две большие жемчужины. Серая рубаха на плечах девы, мешковатая и несуразная, сидела, однако, на диво хорошо. Из штанов выглядывали босые ноги с неестественно длинными узловатыми пальцами. Такими же были пальцы на руках, точно шероховатые ветки и корни лесных деревьев.

– Хаш, оуэши Эйша^[3], – с поклоном приветствовал деву Фэйр.

– Хаш, оуэши хашшэн^[4], – прозвучало в ответ.

Внезапно из глубины дома послышалось:

– Эйша, хэши шарш ох хоэ?

Язык пастырей звучал чудно. Будто ветер шелестел в высокой траве или в гуще веселой листвы.

– Нумо шэнны, ойшан. Эй айс шой, хашшэн, – отозвалась та и белозубо улыбнулась.

– Что это значит? – шепотом спросил мальчика Бральд.

Тот поспешил разъяснить: «Кто там, Эйша, внученька? – Просто люди, дедушка. И твой друг, целитель».

В тот же миг из диковинного дома показался старик, такой же малорослый и ясноглазый. Морщинистая кожа его была густого зеленого цвета. Посеребренные небесно-синие волосы обрамляли строгое худощавое лицо. По высокому лбу шла частая вязь из игольчатых васильков.

От старика веяло мудростью и спокойствием. А еще – вечностью. Сомнений быть не могло – перед ними стоял глава пастырей. При виде Фэйра он расплылся в широкой улыбке,

и за строгостью проглянула безграничная доброта.

Мальчик тоже заулыбался. Шагнув навстречь, они обнялись.

– Здрав будь, премудрый Шарши! – учтиво произнес Фэйр.

– И тебе здоровья, юный целитель, – ответил тот на чистом хельдском. – Что привело тебя в столь поздний час? И кто твои спутники? – Он зорко прищурился. – Помнится, последний раз люди, пришедшие с тобой, искали помощи лишь на словах. А на деле хотели выкрасть наши волшебные вещицы.

– Мы здесь не за этим! – выступила вперед взволнованная Лахта. – Мы родные Хальда-плотника. Вы ведь знали такого? – Она обернулась. – Это Борхольд – приходился ему отцом. Бральд – братом. Я – Лахта, была ему женой. А это – Хейта, – она бережно отогнула край перевязи, – наша с Хальдом дочь. Она больна, – голос Лахты предательски дрогнул. – Удушлица поразила. Фэйр сказал, вам нет равных во врачевании. – В глазах ее проступили горькие слезы. – Пожалуйста, помогите...

Шарши тотчас кивнул.

– Проходите. Я бы и первым встречным в такой просьбе не отказал, а дочери Хальда сочту за честь помочь. Твой муж был редким человеком. Здесь его почитали за друга.

* * *

Внутри дом пастырей был стократ удивительней, чем снаружи. Просторный и светлый, со множеством интересных вещей: от приземистых стульев из старых пней до резной деревянной утвари. Но оглядываться путникам было некогда.

Одним ловким движением Шарши смел со стола тарелки да ложки и наказал:

– Кладите!

Бральд помог Лахте переложить девочку на стол, и они поспешно отступили в сторону. Шарши озабоченно склонился над больной, положил шероховатую ладонь на ее лоб, смежил глаза и замер.

На дощатой лестнице, что плавно уводила наверх, в загадочную темноту, сгрудились любопытные пастырята. Босоногие, в холщовых рубашонках до пят, со всклокоченными волосами всех цветов радуги, с озорными жемчужными глазками – они являли собой премилое зрелище.

Эйша цыкнула на них, чтоб бежали спать. Те стайкой порскнули прочь, но насовсем не ушли, притаившись на верхней ступеньке.

Вдруг Шарши нахмурился, отнял руку и отогнул край одеяла. Взгляд его упал на амулет. Устремив посуровевшие глаза на Фэйра, пастырь жестом приказал ему подойти.

– Когда надевал амулет, какой она была? – спросил он шепотом.

– При смерти, – честно ответил тот.

Пастырь тяжело вздохнул.

– Тогда ты понимаешь, что ее не спасти. Она жива лишь благодаря амулету. Сними его – тотчас перестанет дышать. Я не могу ее исцелить, ибо исцелять тут более нечего. Злая болезнь выжгла из девочки саму жизнь. Ты знал об этом, когда вел их сюда, ведь так? – Он испытующе поглядел на притихшего Фэйра.

– Я должен был попытаться. – Тот в отчаянье стиснул зубы. – Должен был дать ей шанс, а близким – надежду.

– Боюсь, она оказалась ложной, – ответил Шарши. – Отойди. Сделаю что смогу.

– Что такое? – бросилась к Фэйру перепуганная Лахта.

Тот качнул головой и не нашелся что ответить. Шарши тем временем развернул одеяло, заключил детскую ладонь в свою и, вновь прикрыв веки, застыл как изваяние.

Очень скоро ладонь пастыря объял яркий свет. Подобно золотистому ручейку побежал он вверх по детской руке, проникая вглубь, все дальше и выше, разливаясь по бледному хрупкому тельцу, пока не достиг головы и кончиков пальцев ног, а девочка не засияла точно первая вечерняя звезда. Шарши отнял руку. Какое-то время свет еще продолжал мерцать, а потом истаял, словно туман поутру. И уютный дом залила напряженная тишина.

Отчаянные взгляды людей были прикованы к девочке. Лахта не выдержала, рванулась вперед.

– Ну что? Она будет жить?

Шарши тяжело вздохнул.

– Боюсь, на этот раз мое волшебство оказалось бессильно. Вы опоздали на день или два. Лахта разрыдалась, да там бы, наверно, и рухнула, если бы Бральд не подхватил.

– Что за вздор?! – глубокий голос заставил всех вздрогнуть и обернуться.

У подножия лестницы, грозно оперев руки в бока, стояла маленькая крепкая женщина, с волосами цвета полуденного солнца. На лице ее застыли очертания пушистой мать-травы^[5].

– Ты что бедняжку так пугать вздумал, Шарши? Совсем из ума выжил?!

– Чего тебе, Ашша? – ворчливо отозвался тот. – Ты вроде внуков пошла спать укладывать.

– Младшие уже десятый сон видят, – отозвалась она. – Остальные тайком улизнули сюда. Я за ними пришла, а тут такое творится! – Она сверкнула глазами. – Ты лучше моего знаешь, что девочку можно спасти, однако отказываешь. Нехорошо!

– О чем это вы? – выдохнула Лахта.

Ашша приобняла едва живую от горя женщину и вкрадчиво заговорила:

– Шарши может помочь твоей дочери, но лишь передав ей при этом часть нашей силы. После этого она уже не будет прежней. Изменится облик. И она переменится внутренне. Ей станет подвластно редкое древнее волшебство.

– Но она будет жить? – с надеждой спросила Лахта.

Ашша кивнула.

– Пастыри делают это испокон веков. – Она вскинула палец. – Но только с чистыми помыслами, только над смертельно больным и только по своей воле. А иначе ничего не выйдет. – Ашша загадочно улыбнулась. – В стародавние времена, когда меж миром людей и миром волшебным еще теплился огонек дружбы, такие люди иногда появлялись. Мы, пастыри, звали их *Фэй-Чар*, что на вашем означает «*истинное волшебство*». Люди и прочие существа называли их просто— *Чары*.

Внезапно она посерьезнела.

– Случалось и так, что пастыри терпели неудачу. Никто не знает отчего. Быть может, некоторые люди были просто не готовы вернуться. Но другого способа помочь твоей дочери я не ведаю.

– Этому не бывать! – вдруг хором рявкнули Шарши и Борхольд, смерив друг друга мрачными взглядами.

– Не стану я передавать нашу силу человечке! – отрезал пастырь. – Ты что, уже позабыла, Ашша, что сотворил Фэй-Чар по имени Дорг Лютый? Возомнил, что он лучше других, и развязал *Кровавую войну*. С тех пор мы, пастыри, зареклись таким способом людей

исцелять. – Он гневно взмахнул рукой. – Конечно, многие люди и существа уже и не вспоминают об этом. А Дорга Лютого и Фэй-Чар считают не более чем сказочной выдумкой. Но мы-то знаем, как оно было на самом деле. Свыше тысячи лет пастыри Запредельных земель оставались верны данному слову, и я не намерен его нарушать!

Ашша приготовилась отвечать, но Борхольд ее опередил.

– До воителя этого мне дела нет. А чтоб внучка моя как вы стала – да я скорее умру! Ты! – Старик поглядел на Фэйра, и глаза его недобро сверкнули. – Сказал, что людям волшебство неподвластно. А выходит не так. Лжец!

– Я сказал – простым людям, – тихо ответил тот.

Взгляд Шарши вдруг споткнулся о понурого мальчика. В жемчужных глазах вспыхнула запоздалая догадка.

– Ты знал! Вот почему амулет ей на шею надел! Знал, какова цена исцеления. Знал, как это опасно. И все равно решился привести их сюда!

– Знать – не знал, – качнул головой Фэйр, – ведь вживе я Фэй-Чар не встречал. Но догадывался, виновен. – Он вздохнул. – Хотя, по правде, надеялся больше. Что сказы про Фэй-Чар не пустой звук. Что пастырь Шарши воистину великодушен и мудр. И не оставит в беде безвинное дитя.

– Не пойму, про что вы толкуете, – вновь вмешался Борхольд, – и при чем тут амулет, да мне до того и дела нет. Наслушался, хватит. – Он обернулся к Лахте и Бральду. – Уходим немедля!

Шарши поджал губы.

– Вот и ступайте!

– Ай-яй-яй, поглядите-ка на себя! – цокнула языком Ашша. – У обоих бороды уже, а ведете себя как строптивые юнцы. Так и брызжете яростью, а при вас умирает дитя. Постыдились бы! – Она с укором поглядела на притихших упрямец. – Время нынче смутное. Как по мне, если пастырь и человек в этот неровный час примирятся, из этого непременно выйдет что-то хорошее.

Шарши недоверчиво хмыкнул.

– Или появится Чара, стократ ужаснее Дорга Лютого.

Борхольд потемнел лицом.

– А какой же еще ей стать, если вы отравите ее своим волшебством?

– Довольно! – вскричала Лахта. – Я не могу больше этого слушать. – Она вперила в Шарши решительный взор. – Что бы вы ни говорили, я отсюда не уйду. И буду неустанно вас о помощи молить. – Она поглядела на Борхольда. – А как поступишь ты? Обречешь любимую внучку на смерть? Подумай, – Лахта подалась вперед, – как поступил бы Хальд на твоём месте?

Старик вздрогнул как от пощечины. Яростная мгла в его глазах неохотно рассеялась. Он обвел немигающим взором замерших пастырей, Лахту и Бральда, перевел взгляд на неподвижную Хейту и, как давеча, перед походом сюда, переменялся в лице. Он долго молчал, собираясь с духом, и, наконец, трудно заговорил:

– Нынче многое, во что я верил, на деле оказалось трусливым враньем. Хальд всегда это знал и пытался мне рассказать. Про лес, про пастырей, про волшебство. А я гневался, наказывал его, позорил. Я виноват перед ним. – Борхольд судорожно вздохнул. – Сына я подвел, но дочь его подводить не намерен. – Он решительно взглянул на пастыря. – Исцели мою внучку, премудрый Шарши. Как бы там ни было, больше жизни буду ее любить!

Теперь все взоры обратились к пастырю. Тот понял, что его загнали в угол. Но без боя сдаваться он не желал.

– Вы думаете, добра ей желаете? – сурово бросил он. – От смерти хотите спасти? А вы знаете, что порой жизнь смерти страшнее? Фэй-Чар – не люди, но и не существа. Они особенные. Иные. На них везде смотрят косо. Не могут понять и не желают принять. Ваша дочь будет везде лишней. Везде чужой. Одиночество станет ее вечным спутником. Путь изгоя – вот что ее ожидает. И мало кому удастся пройти этим путем и сохранить хотя бы остатки рассудка. – Он шагнул навстречу Лахте. – Подумай, такой судьбы ты бы хотела для своего дитя?

Лахта сдвинула брови и упрямо поджала губы.

– Хейта будет жить, мне этого довольно. Может статься, не все так страшно, как вы сулите. Мир велик. Где-нибудь она найдет свое место.

Шарши долго сверлил ее суровым взором и, наконец, тяжело вздохнул. Устало махнул рукой.

– Ладно. Будь по-вашему. – Он вскинул палец. – Но с этого дня мы тоже станем ее семьей. Будем учить ее всему, чему пожелаем. И вы не станете препятствовать.

Лахта поспешно закивала.

– Не станем!

– Никому ни слова об этом, – строго добавил Шарши. – Большой мир недалече, а в нем полно любопытных. Мало ли что им ведомо и что у них на уме.

Шарши взял руки Хейты в свои, смежил веки и затих, как прежде. Свет вновь потек по ее ладоням и запястьям. Он разливался по телу девочки, как вода возвращается в берега после отлива, заполняя ее до краев.

Облако света окутало щуплое тельце Хейты и крепкую фигуру пастыря. Казалось, во всем доме вдруг сделалось темно. Внезапно яркая вспышка озарила лесное жилище. От неожиданности все крепко зажмурились. Только Ашша осталась стоять, с улыбкой наблюдая за происходящим. А потом все погасло.

Обескураженные люди и пастыри постепенно приходили в себя. Пытливые взоры их тотчас отыскивали Хейту. Однако свет над ее телом еще не истаял, а продолжал кружиться, растворяясь постепенно, подобно облакам в бездонной небесной синеве.

Когда последние всполохи погасли, всем открылась та же картина – бледная девочка в шерстяном одеяле неподвижно лежит на столе. Лахта и Борхольд заволновались. Но прозорливая Ашша вдруг вскинула руку, призывая их замолчать.

Понемногу серая кожа Хейты стала наливаться румянцем. У левого виска и правой щеки начали стремительно проступать сияющие линии, тут же обращаясь в серые веточки с крошечными круглыми плодами.

– Вишня! – изрекла Ашша. – Добрый знак. Быть ей как ягоде с косточкой: мягкой в сердце и стойкой духом.

И тотчас в подтверждение ее догадки волна света пробежала по детским волосам, заиграла на бровях и ресницах, меняя их цвет из русого – в вишневый.

Тело Хейты судорожно изогнулось, из хрупкой груди вырвался глубокий вздох, и широко распахнулись большие жемчужные глаза. Необыкновенные глаза новорожденной Фэй-Чар.

Промозглая осень в деревне Кихт сменилась морозной зимой. Волшебные способности Хейты пока не спешили заявить о себе. И все это время ни девочка, ни близкие ее не знали ни невзгод, ни тревог.

На улице диковинные волосы Хейты прятали под шапкой, а дома, при гостях, – под вышитым платком. К чертам лица же ее никто особо не приглядывался. А потом наступила весна, на редкость ранняя и солнечная в этом году, и густые локоны рассыпались по плечам Хейты яркими вишневыми волнами.

Весть об этом в одночасье облетела всю деревню. Люди сбегались посмотреть, перешептывались, таращились, тыкали пальцем. Несчастливая Лахта не знала, как отбиться от нескончаемых расспросов и по совету Фэйра поведала одну немыслимую байку.

Мол, когда дочь занемогла по осени, они целителя из города позвали. Тот Хейту отваром из вишневых листьев отпаивал да на лице дивные узоры рисовал. Девочка поправилась, но волосы переменили цвет, а узоры отмыться не пожелали.

И, как ни странно, – ей поверили! Людям вообще свойственно верить в совершенно нелепые вещи, вроде гаданий, приворотов да заговоров. Тех, кто, по слухам, умел творить подобное, в народе называли ворожеями. Их почитали и боялись одновременно.

Разумеется, такое название тотчас к целителю и пристало. Самые недоверчивые, однако, твердили, что без пастырей не обошлось, и недобрым словом поминали лесное чародейство. Но их мало кто слушал.

Взрослые дружно принялись девочку жалеть. Кому понравится такая жена, точно в краске вымазанная? Но дети оказались не такими милосердными. Сперва они смеялись над Хейтой, выдумывая обидные кричалки. Потом стали делать вид, будто не видят ее и не слышат. Но и этого маленьким негодникам показалось мало. Посоветовавшись, они задумали по-настоящему жестокую шутку.

Весна отшумела ливнями и разодела деревья в зеленые одежды. На дворе стояло знойное лето. Румяное солнце вставало рано, днем щедро припекало, а вечером не торопилось на покой.

Хейта поднялась ни свет ни заря, ведь нынче был особенный день – шесть лет назад она появилась на свет!

Стянув у матери из сундуков синюю ленту, Хейта второпях накинула на голое тело длинную рубашонку, оправила под ней амулет в виде дракона – Фэйра подарок, – и босиком порскнула в приоткрытую дверь. Она стремглав понеслась на другой конец деревни, где дожидалась могучая раскидистая ива.

Дерево было древним и крепким – не боялось ни солнца, ни мороза – и невероятно красивым: его гибкие серебристые ветви свисали до самой земли, будто учтиво кланялись людям. Но в деревне иву не любили и лишней раз старались в ее сторону не глядеть.

Дерево было ничейным и росло наособицу. Поговаривали, что давным-давно ветер занес одинокое семечко из самого Заповедного леса. И выросло деревце не простое – волшебное, ходившее у леса в соглядателях. Его давно желали срубить, но пойти с топором никто не решался. А Хейте дерево нравилось.

Прохладное и тенистое, оно надежно укрывало в жару от солнечных лучей. Блестящие

листочки весело перешептывались, а девочка замирала, изумленно осознавая: ведь понимала, о чем говорят! В мерном шепоте листьев не было слов, но он навевал ей разные образы – то о грядущей осени, то о весенней грозе.

Но лучше всего было то, что здесь она была скрыта от чужих надоедливых глаз. Уютное убежище под ивой казалось Хейте надежной нерушимой крепостью. Но она и подумать не могла, что тем злополучным днем всему суждено было перемениться.

Пробравшись к стволу, Хейта распрямилась, чувствуя, как на сердце вмиг сделалось спокойно и легко. Над ее головой на тонкой ветке пестрело пять развеселых ленточек.

По весне, когда злые языки впервые пригнали ее под сень седовласой ивы, Хейте подумалось, что, если она станет взрослой, никто больше не посмеет ее задирать. И на следующий день она повязала пять ленточек – ровно по годам. Каждый год девочка решила навязывать новую, чтобы при виде их вспоминать, как скоро в жизни начнется иная пора.

Поднявшись на носочки, Хейта ловко повязала шестую и, прислонившись к прохладному стволу, погрузилась в радужные мечты о будущем. Но вдоволь намечтаться ей не дали. Скоро внимание Хейты привлек вкрадчивый шорох. Он доносился со стороны Заповедного леса, из высокой дремучей травы. Девочка с опаской прислушалась.

«Что за зверь осмелился пролезть через частокол и подобраться так близко: беспечный заяц, нахальная лиса или кто пострашней?» – промелькнуло у нее в голове. И тут словно в ответ на ее мысли беззаботную утреннюю тишину вспорол протяжный, преисполненный ярости вой.

Вздрогнув, как от удара, Хейта спешно попятилась. Лицо ее вмиг сделалось белее снега, сердце в груди бешено заколотилось, а в глазах вспыхнул безудержный страх. Это, конечно, мог быть обычный волк, что тоже, понятно, опасно и страшно. Но тот, о ком подумала Хейта, был стократ опасней и страшней.

Кровожадное чудище, не то зверь, не то человек. На ее языке таких существ называли *вох-рехд*, что на всеобщем значило – волк-оборотень. Именно волков-оборотней Лахта винила в гибели отца Хейты. Потому от одной только мысли о них сердце девочки намертво сковало ужас.

– Нет, быть не может, – прошептала она. – Они же ушли отсюда...

Но неистовый вой повторился, и его подхватили другие. В гуще травы мелькнула бурая волчья шкура, из-под которой проглядывала самая настоящая человеческая кожа.

Хейта никогда не видела оборотней, и ей некогда было задумываться, так они должны были выглядеть или не так. Потому, с отчаянным воплем «Рехд! Рехд!» она как ошпаренная вылетела из своего убежища и понеслась по деревне.

Люди таращились на нее: кто в негодовании, кто в недоумении, но разбежаться не спешили. Вскоре со всех сторон посыпались смешки, заспанные лица растягивались в улыбках.

Но один человек глядел жестко. Деревенский охотник по имени Харт. Он преградил Хейте путь, точно горный обвал. Не удержавшись, она с маху ткнулась ему в ноги. Но он на нее даже не поглядел. Сурово сдвинул низкие брови, упер руки в бока, маленькие серые глаза его льдисто сверкнули.

– Варх! – грозно проревел он.

В тот же миг неистовый вой стих, точно придушенный. Хейта отступила, непонимающе глядя на грозного Харта. «Отчего он позвал сына, когда впору было хвататься за лук или хотя

бы за нож?» – изумленно подумалось ей. Хейта медленно обернулась.

В нескольких шагах от нее на дороге стоял долговязый вихрастый мальчишка. Стоял подбоченившись, цепкие темные глаза глядели дерзко, тонкие губы скривились в самодовольной усмешке. Поверх белобрысой головы, ниспадая по рубахе до самой земли, темнела серая волчья шкура. Морда зверя навеки застыла в кривом предсмертном оскале.

Вот каков он – охотника сын! Главный обидчик Хейты, ее неустанный преследователь. Небось, стащил у отца припасенную шкуру и для дружков не забыл – позади него стояли еще четверо, в таких же громоздких лохматых одеждах.

Про историю с отцом Хейты все в деревне знали. Ее часто рассказывали по вечерам, чтобы напрочь отбить охоту у молодых соваться в распроклятый лес. Вот, видать, Варх и решил ее так проучить. За самое больное задеть, знал ведь, что она от страха будет ни жива ни мертва.

Хейта нахмурилась. От жестокой обиды защипало в носу. Слезы подступили к горлу, но не излились. Нечеловеческим усилием она подавила слабый порыв. Однако жгучая ярость, зародившись в недрах ее существа, заполонила ее до краев, грозясь вырваться наружу.

Хейта задрожала, как натянутая стрела, жемчужные глаза разгорелись. И, не подумав о том, что противник был крепче ее, она пронзительно закричала и хищной птицей кинулась на Варха.

В глазах мальчишки успело вспыхнуть изумление, но оно тотчас сменилось наглой усмешкой – что такая козявка могла сделать ему? Пчела, и та ужалила бы сильнее! А в следующий миг случилось невероятное...

Едва ладони Хейты коснулись Варха, ослепительная вспышка, точно незваная молния, отшвырнула его в сторону, как пустой бесполезный мешок. Люди на мгновение крепко зажмурились.

Хейта стояла как вкопанная, силясь уразуметь, что произошло. В изумлении воззрилась на свои руки – обычные такие руки. Совсем как у других детей. Или... все же не совсем?

С земли, кряхтя и охая, поднялся Варх. Потирая ушибленный бок, он опасливо и ошалело покосился на Хейту. Она ищуще огляделась. Сделала шаг – люди отпрянули, как от недужной. Девочка заметалась, взгляд ее стал растерянным. С нескольких сторон донесся встревоженный шепот: «Ворожея!»

– Эй ты! – Лицо Варха еще носило печать былого испуга, но из-под нее уже рвалась на волю уязвленная гордость.

Хейта перевела на него оторопелый взгляд. Мальчик затоптался на месте, долго не решаясь ничего предпринять. Потом вдруг кинулся вперед с криком «Ну, я тебя!» и тут же замер. Хейта вскинула руки, но ничего не произошло.

Варх осмелел, злорадно оскалившись, стал наступать. Сделал приятелям знак рукой. Те двинулись следом – ни дать ни взять свора оголодавших диких псов.

Сердце Хейты настороженно замерло. Кровь отхлынула от щек, в ногах появилась неприятная дрожь. Ярость, разыгравшая в ней, безвозвратно угасла. А вместе с ней, вероятно, рассеялась и та неведомая сила.

С отчаянной надеждой Хейта обернулась к Харту и тут же невольно отпрянула. Лицо охотника сделалось чужим, холодным и злым. Он глядел на нее в упор, мрачно и тяжело, точно желал пробуровать насквозь.

И тут Хейте вспомнилось, что жена охотника погибла от врачевания ворожеи. С тех пор он всех их возненавидел лютой ненавистью. Девочка обреченно опустила глаза. Помощи

ждать было не от кого.

С тоской взглянув на обидчиков, она оробело попятилась. Варх издал торжествующий клич, и вся ватага ринулась вперед. В тот же миг Хейта бросилась наутек.

Она летела себя не помня, а противные завывания знай себе подгоняли. Оторваться от обидчиков труда не составило. Хейта всегда бегала на удивление быстро – только пяточки сверкали. Свернув на округлую площадь, она замешкалась.

На дороге, ведущей к дому, столпились кудрявые овцы. Время поджимало, раздумывать было некогда, потому девочка проворно юркнула в соседнюю улочку, чтобы тут же с маху налететь на старика с корзиной, полной грязной одежды. Корзина грохнулась оземь. Но на ногах дед все-таки устоял.

– Чтоб тебя лес покрал! – в сердцах выругался он.

На голову Хейты посыпалось пестрое тряпье. Запутавшись в нем, как муха в паутине, она рухнула плашмя. Но не растерялась, а тут же по-змеиному отползла в сторону, прикинув лопатками к теплему боку ближайшего домика.

Гонители ее с гиками да воплями пронесли по улочке, вконец сбив с толку обескураженного старика. Один из них замешкался, ищуще покрутился на месте, но, не обнаружив беглянки, с диким свистом припустил дальше.

Хейта громко выдохнула. Хотела содрать одежду, что накрыла ее с головой, потянула за край, пальцы нащупали что-то холодное. Скосила глаза – застежка. Выходит, это плащ ей на плечи упал!

Самый настоящий плащ с капюшоном. Он-то и скрыл ее от преследователей. Великоват, правда, был. Подол по земле распластался. Зато цвета серого, неприметного. Оттого-то обидчики ее и прошли мимо.

Поразмыслив немного, Хейта решительно застегнула его на груди, виновато поглядела на старика и прошептала.

– Прости, дед Хал, за плащик потом рассчитаюсь.

Собравшись с духом, она принялась воровато пробираться узкой улочкой в сторону дома. Безликой тенью петляя меж дворами домов, Хейта подходила все ближе к цели. Впереди замаячил зубчатый частокол. Ее дом был крайним к воротам и бесстрашно взирал с пригорка на Заповедный лес.

Хейта метнулась к родным стенам, но запнулась на полпути и затравленно попятилась. У пригорка ее уже поджидали.

– Попалась! – ядовито прошипел Варх.

Ей бы взять да крикнуть своих. Но страх душил, и крик подыхал, едва успев зародиться в горле. Девочка пятилась так, пока не уперлась спиной в дощатые ворота. Рука сама незаметно нашарила засов. Тот лязгнул звонко. Обидчики ринулись с места, но было поздно. Хейта юркнула в узкую щель и была такова.

* * *

Она бежала куда глаза глядят. Пыльная дорога осталась далеко за спиной. Под ногами приятно шелестела нехоженая трава, бойко выстреливали из-под ног усатые кузнечики, взмывали ввысь вспугнутые птицы.

Хейта остановилась только когда бежать совсем не осталось сил, а в глазах начало то и дело темнеть. Вполовину согнувшись, она уперла ладони в колени и принялась жадно глотать душистый летний воздух. Но тут же, опомнившись, вскинулась и пристально огляделась.

Вокруг зеленели перистые папоротники и кудрявые травы, пестрели на кочках медвяные цветы, гордо вздымались из-под земли корявые корни деревьев. Сами же деревья, густо поросшие мхом, возносили пышные кроны к бескрайним небесам.

– Заповедный лес, – оторопело прошептала Хейта.

Ей бы испугаться, ей бы броситься наутек, прочь из пресловутого места, напрямик через кусты, откуда ноги только что принесли. Но отчего-то девочке не было страшно.

Вконец отдышавшись, Хейта скинула застилавший взор капюшон и сделала шаг... Первый в жизни осознанный шаг навстречу неизведанному.

Часть 2

Воля провидения

Жук скрылся в кустах. Хейта бросилась следом, но Хальд ее перехватил.

– Рано по лесу бегать одной. Набегаешься еще. Ты этот лес будешь знать лучше, чем родную деревню. – На лицо его пала тень. – Люди, известно, станут насмешничать. Но ты не слушай людей. Будь верна себе. Слушай свое сердце, Хейта.

«ЛИСТЫ ПАМЯТИ» ПАСТЫРЯ НАЙШИ

— 12 лет спустя —

Птица летела быстро: взмывала вверх, ныряла вниз, уходила то вправо, то влево и снова вверх, вниз. Решающий взмах крыльев — и она закачалась на ветке колючего терновника, щедро усыпанного бирюзовыми ягодами-бусинами.

Тонконогая серая зарянка с пышной грудкой цвета порыжелой листвы с любопытством закрутила маленькой головкой. Резкий порыв ветра растревожил молодой куст. Птица встрепенулась, темная ветка ударила по крылу. В тот же миг летунья зарделась, обращаясь в сноп быстро гаснущих искр. Свет истаял. Куст остался стоять: одинокий и невозмутимый, словно ничего не произошло.

Но ветер униматься не желал. Он растрепал подол серого плаща, взъерошил вишневые волосы, неуклюже запутавшись в складках спущенного капюшона. Хейта невольно поежилась.

Она сидела на замшелом бревне, согнув ноги. Один конец бревна уходил в землю, другой высился, растопырив могучие корявые корни, точно зубчатый горный кряж. Под бревном, на подстилке из травы, дремал лисоволк.

Густые брови Хейты сдвинулись в тяжком раздумье.

— И эта не улетела, — мрачно проронила она. — Попробую еще раз.

Сомкнув ладони, Хейта смежила веки и замерла, как изваяние. Она пыталась подобрать верные слова, но все, что шло ей на ум, — все было не то. В отчаянье воззвав к молчаливому сердцу, она поднесла ладони к губам и, наконец, прошептала вдохновенное напутствие.

— Лети далеко. За шумные реки и непролазные леса, за блестящие лица озер, за просторы диких холмов, к подножью Поднебесного хребта, в неведомые края...

Хейта распахнула глаза, в которых расплескался жемчужный свет. Она вскинула руки и раскрыла ладони. Волшебная птица прошелестела тонкими крыльями. Зарянка устремилась вперед, потом вдруг метнулась в сторону. Девушка обернулась. Птица сделала круг над поляной, взмывая все выше и выше, пока не исчезла в наливавшейся небесной синеве.

— Вот так, — прошептала Хейта, — далеко.

Она огляделась, точно вдруг осознав, что сама-то не улетела никуда. Просиявший взор ее опечалился. И, опустив голову, девушка горько добавила:

— Подальше от деревни Кихт.

Внезапно лисоволк поднял голову. Пронзительно-синие глаза его грозно сверкнули, морда покрылась меховыми складками, обнажив острые клыки. И утробное рычание как ножом вспороло утреннюю тишину.

— Ройх, ты чего? — Хейта недоуменно изогнула брови. — Почуял что?

Она огляделась и чутко прислушалась. Кругом зеленели замшелые стволы и душистые травы, пестрели ягодные кусты. Лес медленно пробуждался, отчаянно цепляясь за остатки ночных сновидений.

— Спокойно вроде, — задумчиво проронила она и добавила, спустив ноги на землю: — Но уже совсем рассвело. Мне пора.

Лисоволк тоже поднялся. Ткнулся мягкой, теплой мордой ей в живот. Хейта запустила руку в густую серую шерсть.

– Ну-ну, будет тебе. Я ведь не хочу уходить, но и так засиделась. Мать там, поди, с ног сбилась совсем, – заметила она. – Да ты загодя не грусти. До опушки еще долго идти.

Ройх упрямо заворчал. Хейта усмехнулась, ненароком припомнив их первую встречу. Она возвращалась после прогулки в Заповедном лесу. Лишь на мгновение взгляд отвела, а когда поглядела вновь, над тропой нависла крупная, хвостатая тень...

Она застыла. Улыбка истаяла с губ, глаза остекленели от ужаса. Она попятилась, тень двинулась с места. Бежать не было смысла. Хейта стиснула кулаки и крепко зажмурилась. Но время шло, а рвать ее на части никто не спешил. Девочка приоткрыла глаза и едва не закричала.

Напротив ее лица застыла огромная звериная морда. Яркие синие зрачки, казалось, глядели в самое сердце. Внезапно шершавый язык прошелся по лицу. Она вздрогнула, поглядела недоверчиво и неуверенно улыбнулась. Из груди вырвался вздох облегчения. Выходит, перед ней был не оборотень. Но и не волк. Какой-то диковинный зверь.

Она отступила в сторону, чтобы получше его разглядеть. Большой, пепельно-серый, не зверь – облако дыма. Местами шерсть делалась рыжевато-бурой, точно это пламя плясало, отказываясь гаснуть. Длинные лапы же были черными, как обугленные деревяшки. Он был опасен, – подумалось ей. Но не для нее.

В тот день он вывел ее к Лучистой поляне, и пастыри поведали ей, что звался этот зверь – лисоволк. С тех пор по лесу он везде неотступно следовал за ней. Она решила назвать его Ройх, что в переводе на всеобщий означало «преданный».

Над головой бойко зацокала белка. Хейта вздрогнула и очнулась. Взошедшее солнце вызолотило все вокруг. Она сильно задержалась. Нырнув в узкий проход между деревьями, Хейта углубилась в лес. По правую руку от нее мягко ступал лисоволк.

И они не увидели уже, как на поляне вдруг зашевелилась трава. Как будто ветер налетел вновь. Однако ветер давно утих. Кто-то, пристально и настороженно следивший за ними все это время, неслышно двинулся следом. Но не торной тропой, а мутной безликой тенью скользя среди темных деревьев.

– Сегодня Хэльфост, – сказала Хейта. – Последний день лета. Вечером, как всегда, соберутся на площади: потолковать, покушать да поплясать.

Ройх вопросительно поднял ясные глаза.

– Я тоже пойду, – ответила девушка.

Обычно она праздники обходила стороной. Деревенские от ее общества в восторге не были. Да и ей мало радости. Сиди себе парься в плаще, чтоб не вызывать насмешек, пока другие болтают и веселятся. И ради чего? Ароматной еды? Так и дома поесть можно. Но в этом году было ради чего.

– К нам приехали трое потешников, – восторженно сообщила Хейта. – Давно их не было. Последний раз заглядывали, когда я еще бегала босиком. Да и что показали? Мячики в воздухе покрутили – только и всего. Так и я могу. Эти, говорят, большие искусники. Могут заставить вещь исчезнуть и появиться. Могут платок разорвать и обратно собрать.

Лисоволк поглядел на нее недоверчиво. Казалось, лазоревые глаза усмехались.

– Конечно, это не волшебство, – поспешно добавила девушка. – Но все равно, должно быть, красиво... – Она задумалась на мгновение. – А еще, я слышала, они могут дышать

огнем. Подобно великим драконам!

Громко хрустнула ветка. Хейта вздрогнула и обернулась. Огляделась тревожно. Лес как лес: корявые стволы, беспокойные листья, ягоды на кустах...

– Много ягод в этом году, – задумчиво обронила она, рассеянно провела рукой по спине Ройха и неспешно двинулась дальше.

Ближе к окраине лес податливо расступался. В свежем воздухе чувствовалось первое дыхание осени. Некоторые листья уже успели обзавестись золотистой каймой. Издали доносился прощальный крик диких гусей.

Наконец, впереди замаячил синий небесный лоскут. Кудрявые вязы, подперев друг друга могучими плечами, образовали красивую высокую арку, за которой мерно колыхалась растрепанная полевая трава.

– Ну, вот и пришли, – вздохнула Хейта. – Пора прощаться.

Ройх заметно приуныл.

– Да не хмурься ты так, – ласково улыбнулась девушка. – Скоро снова увидимся. И с лесом тоже. – Она беззаботно скользнула глазами по деревьям, но внезапно взгляд заплулся и посерьезнел.

Смутное подозрение, зародившись еще на поляне, переросло в холодную уверенность. Они с Ройхом тут были не одни. Хейта шагнула вперед, прищурившись, как дикая кошка на охоте, в любой момент готовая прыгнуть. Она медлила, силясь сообразить, где затаился неведомый преследователь. Как вдруг... ошеломляющая догадка заставила ее на мгновение онеметь, и в глазах девушки неожиданно заплясали лукавые огоньки.

– Я, может, и не знаю наперечет, что где растет в Заповедном лесу, – улыбнулась она. – Но этого здесь точно быть не должно!

Хейта вскинула руку. Яркая вспышка озарила лесную чащу, всколыхнув колючий терновый куст, усеянный синими ягодами. Терновник часто задрожал, точно по нему стучал топор лесоруба, – а в следующий миг бесследно исчез! На землю, отчаянно вскрикнув, упал растрепанный человечек. Он тут же подскочил, спешно отряхиваясь.

Густо-синие волосы обрамляли его свежее вечнозеленое лицо. У висков темнели причудливые отметины. Из серых штанов выглядывали неестественно длинные, узловатые пальцы. Ростом он был не выше трехлетнего ребенка. Он и был ребенком, хотя и прожил уже половину столетия. Но пастыри взрослеют и стареют иначе.

– Тэш, – улыбнулась Хейта. – Я должна была раньше догадаться! Когда обращаться выучился?

– Два дня назад, – гордо ответил тот.

– А отчего крался за нами как враг? – пытливо прищурилась девушка.

– Я просто... Да так просто... Поупражняться хотел, – нашелся он.

– Ага... – кивнула Хейта. – В деревню ты пробраться хотел, за мной следом, – на праздник. Ведь так?

Тэш смущенно потупился.

– Сколько раз тебе повторять, что это опасно? – строго спросила девушка.

– А че опасно-то? – насупился тот.

– Там люди.

– Ты тоже человек! – Он упрямо топнул ногой.

– Поверь, эти люди не такие, как я, – ласково ответила Хейта. – Они не жалуют волшебного. Попадешься им – добра не жди. Думаешь, я смеха ради в капюшоне хожу да

способности свои от всех прячу?

Маленький пастырь помялся-помялся и нехотя выдавил:

– Не зря.

– То-то и оно.

– Но ведь даже потешники будут! – не унимался Тэш. – Я бы хотел на них поглядеть. Да и себя при случае показать.

– А вот этого точно не нужно, – нахмурилась Хейта. – Пастырей люди на дух не переносят. Да и тебе волшебству еще учиться и учиться. Последний раз, когда видения насыпать пытался, пожар в лесу до рассвета тушили.

Тэш виновато примолк.

– Ступай домой, – мягко, но непреклонно сказала Хейта.

– Ла-адно, – кисло протянул тот.

– А Ройх тебя проводит.

– Вот уж нет! – возмущению пастыря не было предела.

– Ты чего подумал, одного отпущу? – улыбнулась девушка.

– Под честное слово, – взмолился он.

– Знаем мы твои честные слова, – рассмеялась Хейта. – Ройх, проследи, чтобы прямехонько до дома дошел. Глаз не спускай, коли придется, в зубах отнесешь. А ты смотри, без проделок! Иначе все твоим родителям расскажу. И деду с бабкой.

Тэш взглянул на нее исподлобья и обиженно шмыгнул носом. Хейта присела рядом.

– Я делаю это не из вредности. Ведь ты мой названный брат. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится. Беги домой.

Тэш кивнул и печально побрел по тропе. Бдительный Ройх двинулся следом. Хейта же накинула капюшон и, тяжело вздохнув, шагнула в лесной проем.

Старые, выгоревшие на солнце ворота печально поскрипывали на ветру. Хейта заколотила по ним кулаком. В ответ донеслась глухая, сонная брань:

– Проклятье! Кого там в такую рань принесло?

Бугристый нос привратника показался в решетчатом оконце. Путники в деревню Кихт захаживали редко, а потому он давно отучился вставать спозаранку.

– А-а, вернулась, – разом оттаял он. – Проходи.

Привратник Бэрх был одним из немногих, кто относился к Хейте на удивление хорошо. Отчего так повелось – она точно не знала. Быть может, оттого, что он не любил деревенские толки и никогда не принимал в них участия. Или же оттого, что ему тоже порой доставалось от Варха и его шайки.

Мать говорила, Бэрхи к отцу Хейты относился лучше других, хотя и не одобрял его странной привязанности к Заповедному лесу. Он и ее привязанности не одобрял. Вот и сейчас, едва ворота захлопнулись, привратник принялся нравоучать:

– Дался тебе этот лес. Жуткое место. Отец твой там сгинул. И тебе не терпится?

Хейта не ответила, улыбнулась только – она давно привыкла к его заботливому ворчанию. Запустила руку в карман и протянула Бэрху пригоршню темно-коричневых лесных орехов. Она всегда ему что-нибудь приносила из леса, а он, хоть и хмурил брови, никогда не отказывался.

– Вот тебе и на, – озадаченно обронил он. – А я от них не помру?

– Ну я же не померла, – усмехнулась Хейта.

– Ну да, ну да. Возьму, стало быть. Спасибо, что не забываешь про старика Бэрха. – В уголках его блеклых глаз собрались ласковые морщинки. – Ну, будет стоять. Домой поспешай. Тебя уже спрашивали.

Приземистый деревянный домишко с покосившейся соломенной крышей казался мирным и дружелюбным, но при этом очень усталым. В нем чувствовалась какая-то застарелая, неизжитая печаль. Хейта отворила скрипучую дверь и, как в прорубь, нырнула в теплый дымный полумрак.

Дом состоял всего из одной комнаты, потому был он маленьким и тесным. Трескучее пламя очага порождало сонм беспокойных теней. Все вокруг было заставлено мисками, полными ягод и орехов, – Хейта из леса еще давеча нанесла.

У стола над блюдом с шиповником склонилась Лахта. На ней было простое травянисто-зеленое платье, подхваченное матерчатым пояском. Посеребренные временем волосы искусно уложены на затылке. На шее темнела связка крупных деревянных бус.

Мать подняла на Хейту добрые темные глаза, но губы не сложились в улыбку. Она кивнула, понуждая девушку обернуться. Там, за узким, истертым столом, уронив голову на грудь, дремал Борхольд.

Последнее время старик спал все чаще. И Хейта ничем не могла ему помочь – ее целебные руки, к сожалению, были бессильны против этой напасти – глубокой беспощадной старости.

На столе были разложены всевозможные инструменты: тесак, рубанок, долото. Всю жизнь дед был плотником. И не было, наверное, такой деревянной вещицы, какой он не мог смастерить.

Хейта бережно дотронулась до его плеча.

– Деда...

Борхольд разлепил тяжелые веки.

– А-а, это ты, внученька. Набегалась в лесу? А я тебя уже целый час дожидаюсь.

Он взял с колен увесистый сверток и протянул его Хейте.

– Снеси Фальхте. Она взамен съестного передаст. Такой был уговор.

Хейта отогнула край холстины. Шкатулка, над которой целую неделю денно и ночью работал дед, получилась на диво изящной. Круглую крышку украшала резная вязь из полевых трав и цветов.

Шкатулки заказывали редко. Что было деревенским в них хранить? Только нитки с иглой да самодельные бусы. «Любопытно, для чего эта понадобилась?» – подумалось Хейте. Прижав сверток к груди, она поцеловала деда в морщинистый лоб и поспешила на улицу— исполнять поручение.

Хейта шла по деревне, как всегда, – уверенно и в то же время с опаской. Навстречу попадались люди, но она на них не глядела. А на нее глядели по-разному. Одни с насмешкой, другие с любопытством, третьи со страхом и даже ненавистью. Она кожей ощущала эти взгляды и, хотя была к ним привыкшей, всякий раз мечтала провалиться сквозь землю.

Вскоре по левую руку вырос нужный дом. Такой же бедный и ветхий, как у Хейты, но не такой гостеприимный. Холодом от него веяло и тоской, а еще – глухим одиночеством.

Хейта собралась с духом и постучала. Дверь отворилась тотчас, словно по волшебству. Но на пороге стояла не Фальхта, а щекастый русоволосый парень – ее сын. Светло-голубые глаза глядели очень внимательно. Хейта даже слегка опешила.

– Я к Фальхте, – наконец нашлась она. – Шкатулку принесла.

– А ее дома нет. Можешь мне передать. – Он приветливо улыбнулся.

Хейта в раздумье сдвинула брови.

– Фальхта должна была... – неуверенно начала она, но парень ее перебил:

– На еду поменять. Конечно, вот полный мешок положила.

Девушка подозрительно заглянула вовнутрь. Яблоки. Этого добра и у них хватало.

Парень, видно, понимал это не хуже ее, потому как принялся поспешно разъяснять:

– Там фрукты, овощи и немного хлеба. – Он смущенно пожал плечами. – Как говорится, чем богаты...

Хейта кивнула со вздохом. Передала сверток со шкатулкой, закинула за спину мешок и собралась было уходить. Как вдруг...

– Тебя ведь Хейта зовут?

Она запнулась и онемела. Так, если подумать, что тут такого? Ну, назвали по имени. Но ее кроме близких никто по имени не называл. Все больше «эй ты!», «глупая девка» или еще чего-нибудь погрубей. Она медленно обернулась. Смятение загнанной птицей забило в жемчужных глазах.

– Да. И что? – спросила девушка холодно, ожидая подвоха.

– А меня Тисх, – был ответ.

Теперь Хейта глядела на него уже озадаченно.

– Ладно, – пожалала она плечами и отвернулась. «А то я раньше не знала!» – подумалось ей.

– Нынче праздник. Пойдешь со мной? – вдруг выпалил он.

Девушка не поверила своим ушам. Поглядела на Тисха ошарашенно, силясь уразуметь.

– С тобой... на Хэльфост?.. – выдохнула наконец.

– Ага, – просто ответил тот.

Обычно у Хейты неплохо получалось распознавать, врет ей человек или нет, а тут почему-то никак не выходило. То ли врал ее нынешний собеседник слишком искусно, то ли все-таки правду говорил. Она рассмеялась, неискренне и натужно.

– А-а, это шутки у тебя такие. Смешно, – сверкнув глазами, Хейта уверенно зашагала прочь.

Но неугомонный парень проворно выскочил на дорогу, преградив ей путь.

– Я всерьез. Ты мне по нраву. Пойдем, коли и я тебе?

Хейта чуть не поперхнулась.

– По нраву? – язвительно переспросила она, чувствуя, как все закипает внутри. – Что именно тебе по нраву? Мои цветные волосы? Или пятна на лице? Парни на меня без смеха глядеть не могут. А ты... ты поиздеваться решил?! – Она грозно уперла руки в бока. – Кто тебя на это подбил? Варх?! Чем пригрозил? Нос о частокол расквасить?

Тисх молчал, оторопев от ее внезапного напора. Хейта истолковала его молчание по-своему.

– Так я и думала, – мрачно усмехнулась она и устало зашагала прочь.

– Не подбивал меня Варх, – вдруг долетело ей вслед. – Я с ним дружбы не вожу.

Хейта замерла на полшаге, не оборачиваясь.

– Ты мне правда по нраву, – тихо продолжил парень. – Но, если не веришь, приходи просто на праздник. Захочешь – постоим рядом. Не захочешь – я не обижусь. Приходи, ждать буду.

Хейта не ответила и резко, пожалуй, слишком резко зашагала в сторону дома.

* * *

Захлопнув дверь, она сбросила мешок на пол и прилипла лопатками к холодному дереву. Невидяще поглядела перед собой. Мысли в голове всполошились и перепутались.

Неужто Тисх правду говорил? Да нет, быть не может... Кто бы ее – ворожею, лесовичку, уродину – по трезвому уму на гулянья позвал? Поглумиться он хотел, не иначе. Наговорил бы глупостей, а потом выставил бы на посмешище посреди площади, да с другими от хохота живот надрывал.

Девушка закусила губу. Ну, а если все же не врал? Неужто она, Хейта, правда могла кому приглянуться? «Ты мне по нраву. Пойдем, коли и я тебе?» Ей вдруг вспомнились блестящие глаза, прядь волос на высоком лбу, приветливая улыбка...

Видно, Хейта уж слишком поменялась в лице, потому что мать при виде нее ахнула и выронила миску с орехами.

– Доченька, что стряслось? Обидел кто?

Хейта покачала головой.

– Никто не обижал.

Лахта непонимающе сдвинула брови.

– Тогда в чем дело?

Хейта собралась с духом и рассказала все начистоту. Внимательно выслушав дочку, Лахта скрестила на груди руки и принялась мерить шагами чисто подметенный земляной пол. Лицо ее приобрело выражение глубокой задумчивости.

– Не думаю, что Тисх позубоскалить хотел, – наконец изрекла женщина. – Не такого он нраву. Тисх спокойный, как вода в озере. Да и у Варха в друзьях он никогда не ходил.

Хейта пожала плечами. Матери было видней. Сама она особо в жизнь соседей не вникала.

– А мог бы вырасти тем еще сорванцом, без отцовской руки-то, – продолжила Лахта. – Муж Фальхты помер, когда она еще тяжелая была. Но женщина эта сурового нраву. С такой не забалуешь. Ее даже мужики в деревне боятся.

Хейта неуверенно поглядела на мать.

– Думаешь, словам Тисха можно верить?

Лахта подошла и чутко заглянула дочери в глаза.

– Думаю, можно. Но меня больше заботит не это. Тебе Тисх приглянулся хоть немного или нет?

– Да вроде ничего.

Лахта обняла дочь за плечи.

– Ты не обязана с ним гулять, если он тебе не по нраву.

Девушка поглядела на нее недоверчиво.

– Ты ведь мечтала, чтобы я замуж вышла. Зажила как все.

Лахта вздохнула.

– Да. Так тебе было бы легче. Тебя бы меньше задирали. Но принуждать к тому я тебя не стану, дитя. – Она ласково улыбнулась. – А чего хочешь ты?

Хейта вздохнула.

– Сама не знаю.

– Ты могла бы пойти к Фэйру в помощницы, – добавила Лахта. – Как раньше хотела. Тот он обрадуется! Ведь любит тебя как сестру.

Девушка нахмурилась.

– И оставить вас?

Она поглядела на бородатого деда, который вновь задремал. На седые пряди у матери в волосах. На убогую обстановку их жилища.

– Нет уж. Я нужна здесь, – сказала она, как отрезала.

– Ты не должна всю жизнь о нас заботиться, – ответила Лахта.

– Довольно об этом, – тряхнула головой Хейта. – Надо решить, как с Тисхом быть. Я так думаю. На праздник мы все равно собирались. Вот и погляжу, каков он из себя. Тогда и решу, ходить с ним рука об руку или нет.

Лахта тяжело вздохнула. Она ведала – переубедить упрямицу не удастся. Ее отец был точно таким. Когда задумывал что-то, спорить не было смысла. Он всегда поступал по-своему и всегда оказывался прав. Кроме того вечера, когда из лесу не вернулся...

– Гляди-ка, – кивнула она Хейте, – что я для такого случая припасла.

Лахта откинула крышку старого сундука. В ее руках оказался сверток, перевязанный синей лентой. Мягко прошуршала гладкая ткань. Платье. Длинное, серое, а по вороту и рукавам – замысловатые узоры цвета бирюзы. На талии красовался пояс с пушистыми кисточками.

Хейта вытаращила глаза. Платьев она отродясь не носила. Не то чтобы ей совсем не хотелось, но в штанах и рубахе было куда как сподручней и по лесу бегать, и управляться по хозяйству.

Один раз ее, правда, вырядили в платье, когда в девушки посвящали. Она в нем после до пастырей еле добрела. Умудрилась в нескольких местах изодрать, когда через бревна перелезала.

Пастыри все поняли без слов. Живо раздели ее в рубаху и штаны, какие носили сами. А Хейта потом вышила на них волшебными нитками вишневые узоры. Они точь-в-точь повторяли отметины у нее на лице и загадочно мерцали в темноте.

Нынче же, спрятавшись в углу, она скинула с плеч выцветший плащ, стянула выдавшие виды сапоги, а следом и одежду. Тяжелые вишневые волосы рассыпались по плечам. Скрепя сердце надела новое платье. Неловко повернулась в нем и в отчаянье воззрилась на мать.

– Ну как?

Лахта прижала ладони к лицу.

– Красавица-дочка!

Хейта, сомневаясь, оглядела себя с ног до головы.

– Как же в нем двигаться...

– Ну, ходят же как-то другие? – ответила Лахта. – Смогли они – и у тебя получится.

Девушка кивнула, но в жемчужных глазах колыхнулось смятение. Лахта, завидев это, тут же нашлась:

– Ладно, праздник – праздником, а у нас до вечера работы невпроворот.

Хейта обрадованно кивнула. В два счета переоделась и полетела вслед за матерью во двор. Работы и впрямь было немало. Скотину накормить-напоить, в хлеву убрать, грядки прополоть, урожай собрать. Они так закрутились, что и не заметили, как к ним исподволь подкрался прохладный вечер последнего дня лета.

Хейта тепло попрощалась с дедом. Оправила платье, такое длинное, что даже сапог было под ним не видать, и опустила на голову веночек из небесно-голубых незабудок. На Хэльфост все девушки ходили в венках. Хейта обычно про то забывала, но не в этом году. В этом году все было иначе.

Лахта подала ей плащ. Хейта подхватила со стола яблочный пирог – их скромный вклад во всеобщее угощение. Мать с дочерью спустились с пригорка и вышли на дорогу. Навстречу им уже летели проворные отголоски праздничной музыки. И хотя вечернее небо еще не растеряло до конца своей голубизны, на него уже успела выкатиться лупоглазая луна – незванный молчаливый свидетель грядущих событий.

Маленькая деревенская площадь, обычно пустовавшая, нынче полностью преобразилась. Ее наводнили корзины с душистыми полевыми цветами. По краям расставили лавки и прочные козлы с тяжелыми досками – получились длинные столы. Еды на них было видимо-невидимо, но больше всего было хлеба, так как в Хэльфост не только провожали лето и привечали осень, но и радовались окончанию жатвы. Хейта незаметно поставила на краешек стола румяный яблочный пирог, отошла в сторону и принялась оглядываться.

Площадь была круглой как солнце, и от нее во все стороны расходились длинные дороги-лучи. По этим лучам и стекался к празднику шумливый, разодетый люд. Девушки щеголяли в ярких платьях, волосы охватывали цветочные венки, в ушах, в такт музыке, подрагивали сережки.

Хейта поискала глазами Тисха, но не нашла. И, сама того не ожидая, опечалилась. Зато увидела дядьку. Тот пришел на праздник с женой и детьми. Жена его ни Хейту, ни мать ее на дух не переносила. Потому и Бральд старался лишний раз с ними разговоров не заводить. Вот и сейчас, завидев их, лишь едва заметно кивнул. Хейта вздохнула и отвернулась. Подумалось: «Я с его конем Хордом и то лучше ладила».

Движение в толпе вырвало девушку из хоровода невеселых мыслей. Люди отходили в сторону, пропуская вперед седовласого длиннородого старика. Глаза его, большие и глубокие, на удивление молодо и лучисто глядели из-под косматых бровей. То был Фархард, – премудрый старейшина деревни Кихт. Тяжело опираясь на крепкую палку, он медленно прошествовал на середину площади.

Его любили и почитали все: от мала до велика. Даже Хейта. От него, как и от привратника, она в жизни не слышала недоброго слова. А если в нужный момент он оказывался поблизости, то неизменно за нее заступался.

– Добрый вечер, люди добрые! – произнес старейшина грудным, певучим голосом.

Все заулыбались и закивали, принялись кланяться. «Фархард! Фархард!» – послышались одобрительные возгласы.

– Вот и настал Хэльфост! – продолжил старик. – Яровые убраны, озимые посеяны. Утра и вечера уже напитались прохладой. Возблагодарим же лето за его золотые поля да отвесим поклон осени с ее золотыми листьями. – Он замолк, переводя дух, и воскликнул громко: – Пришла пора вкусить первого хлеба!

Из толпы вышла высокая девушка в вышитом алом платье. Зеленые глаза ярко сверкали, точно драгоценные камни под солнцем. Полные губы были горделиво изогнуты. Черные волосы ниспадали по спине темной рекой. В руках она держала большой круглый пирог, украшенный печеными завитушками в виде стеблей пшеницы.

То была первая красавица деревни – Мерахта. Парни были готовы за нее друг другу головы поотрывать. И, хотя девушке шел уже шестнадцатый год, она никому еще не обещалась. Все думала, выжидала, присматривалась. Вот рассмеялась, точно колокольчики зазвенели. Поклонилась в пояс.

– Пожалуйте, добрый Фархард. Всей деревней пекли.

Старик улыбнулся. Все, наверное, улыбались. Все, кроме Хейты. Не колокольчиков перезвон ей послышался, а дребезг бьющихся сосуллек. И видимой теплоте зеленых глаз она

не верила. Холодными были глаза, что стужа ночная. И острыми как нож. Взглянешь – уколуют в самое сердце. Хейта вздохнула. Неужто кроме нее этого никто не замечает?

По традиции Фархард первым воздел к небу кусок пирога.

– Доброе лето! Теплая осень!

– Доброе лето! Теплая осень! – эхом отозвались люди.

Мерахта понесла пирог по кругу. Его ломали, передавали друг другу. Дошел черед до русокудрого парня в светлой рубаше. Тот едва не выронил кусок, рассмеялся неловко, смущенно поглядел по сторонам. Тисх!

Сердце Хейты забилось чаще. Кровь бросилась в лицо. Ей вдруг до смерти захотелось шагнуть ему навстречу и скинуть капюшон, чтоб он увидел, как заиграет под лучами солнца голубой венчик в ее волосах. И вовсе сбросить этот тяжелый плащ. Она даже расстегнула застежку. Как вдруг...

– Эй, красная башка! Держи свою долю, – едкий смешок хлестнул как пощечина.

Рябая девушка, подружка Мерахты, пялилась на Хейту во все глаза.

– Ой, вот это вырядилась! Даже цветы засунула в волоса. Думаешь, так краше? Да тут по-хорошему ножичек нужен – и наголо!

Девушки прыснули, парни загоготали. Перед глазами встало бледное от гнева материно лицо. Хейта попятилась. Обычно она могла ответить, пусть не сразу и порой невпопад. Но сейчас ее застигли врасплох, когда она совсем не была готова отражать чьи-то злые, колючие слова.

Запахнувшись, Хейта хмуро потупилась. И в сторону Тисха больше уже не глядела. «Только б не слышал! Только бы не видал!» – отчаянно мелькнуло у нее в голове. И, круто развернувшись, Хейта бросилась с площади прочь, не разбирая дороги. А озадаченный Тисх, обернувшись на шум, успел заметить лишь тусклый край ее серого плаща.

Хейта шагала размашисто и быстро, не замечая ничего вокруг, пока не уперлась в живую желто-зеленую стену – старая ива! Девичьи губы тронула улыбка, но ей тотчас сделалось совестно – давно она тут не была. Хейта бережно тронула пальцами упругую веточку.

– Здравствуй, ивушка. Пустишь под пушистую сень?

И хотя ветра не было, дерево вдруг раскатисто и приветно зашумело. Хейта скинула капюшон. Раздвигая плакучие ветви, пробралась к широкому стволу. Что-то нежное и легкое коснулось руки – лента! А рядом еще пять.

Хейта криво усмехнулась.

– Вот и хорошо, что больше навязывать не стала. Столько лет прошло, а толку-то... Как ненавидели, так и ненавидят. И дальше ненавидеть будут.

Вдруг девушка замерла, напряженно прислушиваясь. Со стороны деревни донесся легкий шелест приближающихся шагов. Потом все стихло, и негромкий голос взволнованно произнес:

– Хейта, ты здесь?

Девушка молчала, хотя глаза ее расширились от удивления. Тисх?

– Я заметил, ты в эту сторону побежала, – продолжил парень. – Хотел проверить, все ли в порядке. Да вот... пирога тебе принес.

Хейта недоверчиво прищурилась. Но сердце очень желало верить. Да и не отсиживаться же было тут, точно зверю в тайном логове? И, собравшись с духом, она выступила из укрытия.

Мягкие закатные лучи облили теплым светом ее статную фигурку. Яркий лазоревый веночек засиял в вишневых волосах, как драгоценный обруч. Волшебные глаза мерцали, точно подсвеченные серебристым лунным светом.

Тисх от изумления даже рот приоткрыл. Опомнился и смущенно потупился.

– Чего ты убежала? – обронил он первое, что пришло в голову.

– Да так. Подумать надо было, – пожалала плечами Хейта.

– А с кем говорила?

– Ни с кем, – напряглась она. – Тебе, наверно, послышалось.

– Ага, – он кивнул понимающе и вдруг выпалил: – Ты ведь с деревом говорила, так?

Хейта покраснела, как поспевшее яблоко.

– Ну, положим, – сурово ответила она. – Тоже теперь «тронутой» станешь звать?

– Да нет, отчего же, – улыбнулся Тисх. – Ты ворожея. Тебе с деревьями положено толковать. Так моя мать считает. Она вообще ворожей уважает очень.

Хейта смутилась и не сразу нашлась что сказать.

– А ты? – проронила, наконец. – Что считаешь?

– Думаю... что красивая ты, – тихо ответил он. – А еще проголодалась, поди. Пирог в этом году – объедение просто. Держи. – Он протянул ей ароматную краюху.

Хейта смахнула волосы со лба, подошла. Взяла, принялась жевать.

– Вкусно.

– Вот и славно! – рассмеялся Тисх. – Ну что, пойдем на праздник?

Хейта нахмурилась.

– А может, ну его? И тут неплохо.

– Солнце садится, скоро потешники выйдут с огнем. Я хотел поглядеть.

– Да я тоже хотела, – улыбнулась она. – Ладно, идем.

– погоди. – Тисх коснулся пальцами ее капюшона, ловким движением накинул на голову. – Чтобы лишний раз не глазели. И не пришлось снова сюда бежать да размышлять. – Он усмехнулся со знанием дела.

Хейта кивнула. Конечно, парень был прав. Но отчего-то ей вдруг сделалось так тоскливо и грустно, хоть волком вой.

– Дивные у тебя глаза, – вдруг прошептал Тисх.

Хейта поглядела на него в упор. В его светлых глазах стояли безмятежность и тишь. Но первые звезды, отразившись в них, горели так ярко, что, казалось, прожигали ее насквозь. Девушка задышала чаще. Мир вокруг побледнел, затуманился и закружился. В голове сделалось весело и легко.

Тисх взял ее под руку, и они медленно пошли в сторону площади, не переставая улыбаться и украдкой поглядывать друг на друга. Грусть и тоска поспешили скрыться и были тут же беспечно позабыты.

* * *

Маленькая площадь едва не искрилась от всеобщего смеха, безудержной радости и шумной потехи. Казалось, земля ходуном ходит под ногами девушек и парней, резво отплясывающих под звонкую, задорную музыку.

Хейта смотрела на это со смешанным чувством упоения и тревоги. Но теплая рука Тисха

вселяла уверенность. У дома старейшины она заметила троих необычных мужчин. Сердце радостно встрепенулось в девичьей груди. Потешники!

Скуластые лица обрамляли короткие колючие бороды. Большие темные глаза с хитрецей, казалось, подмечали все, что творилось вокруг. Крупные губы загадочно улыбались. Даже неискушенный взор без труда подметил бы, что между ними крылось кровное родство.

Длинные каштановые волосы мужчин были собраны на затылке. Но что это были за волосы! Казалось, их не мыли уже долгое время: толстые спутанные локоны озорно торчали во все стороны. В них словно бы невзначай запутались разноцветные ленты, какие-то перламутровые камешки, блестящие железные бусины.

На широких плечах пестрели яркие цветастые рубахи, а на шеях – узорчатые платки. Просторные штаны, собранные у голенища, тонули в потертых остроносых сапогах. От незнакомцев просто-таки веяло неведомыми дорогами и дивными далекими землями. А еще – беззаботностью и свободой. Хейта так явно, так остро ощутила это, что у нее захватило дух!

Один из потешников вдруг с любопытством поглядел на девушку. Прошептал что-то своим спутникам— те разом подняли пытливые глаза. Хейта смущенно отвернулась. Она вдруг досадливо осознала, как чудно, должно быть, смотрелась в старом сером плаще с капюшоном посреди простоволосой ярко разодетой толпы.

Трое потешников тем временем двинулись с места. Они ступали проворно и мягко, как дикие лесные коты. Сперва в ход пошли плоские железные бусины, снятые с диковинных волос. Исчезая у одного потешника, неуловимая бусина вдруг появлялась в руках у другого. Потом их сменили пестрые платки, ловко сдернутые с загорелых шей. Засверкали лезвия ножей. Платки распались на лоскутки, чтобы мигом позже уже красоваться на своих владельцах целыми и невредимыми. А когда перламутровые камушки вдруг сами по себе закружились в воздухе, люди дружно ахнули и захлопали в ладоши. Но самое дивное чудо ждало их впереди.

Точно по волшебству в руках у потешников появились длинные пылающие факелы. Рыжее пламя яро заплясало, разгоняя подступающую темноту. Факелы взметнулись и закружились, оплетая мужчин живой, трепещущей пеленой огня. Прохладный воздух раскалился и наполнился дымом. Вот факелы взлетели до небес и пали. Огонь истаял, жестоко придушенный. Потешники стали друг к другу спинами, заглотив почернелые светочи, чтобы тут же возжечь их, изрыгая яростные потоки жаркого, слепящего пламени.

Люди закричали. Хейта кричала вместе со всеми. Рядом ликовал Тисх. Лахта стояла неподалеку и глядела на них, не скрывая улыбки. Еще некоторое время искусные потешники забавляли людей, а потом испили неистовое пламя до дна. На площади разом водворилась мертвая тишина. Водворилась, чтобы тут же сбегать под напором всеобщего безудержного ликования!

Потешники поклонились и сошли с площади. Один из них, проходя мимо Хейты, задорно ей подмигнул. Девушка покраснела и улыбнулась. На сердце ее было легко, тепло и светло. Никогда в жизни ей не было так хорошо!

– А это что за чудо-юдо такое? – вдруг с отвращением бросил Тисх.

Хейта подняла лучистые глаза... и ее тотчас накрыла волна леденящего ужаса!

– Нет, – сдавленно прошептала она. – Только не это!

Посреди площади, с любопытством озираясь, стоял ее названный брат, Тэш. Его взлохмаченные изголуба-синие волосы ярко блестели в свете вечерних огней. На зеленом лице озорно посверкивали большие ясные глаза.

Из толпы донесся гогочущий смех.

– Карлик! Смотрите, карлик!

Но те, кто был подогадливей, сурово хмурились и озабоченно перешептывались.

– Мне надо туда, – прошептала Хейта и, даже не взглянув на озадаченного Тисха, стала спешно пробираться через толпу.

– Меня зовут Тэш, – маленький пастырь низко поклонился. – Вы нынче видели чудеса. Они красивые, но обманные. Я вам настоящие покажу! – Он вскинул тонкие узластые ручонки.

– Только не видения, – хрипло прошептала Хейта. – Только не их!

Она делала брату отчаянные воспрещающие знаки, но он их не замечал. Чересчур узкие и длинные ладошки заискрились, и ровный сияющий свет взметнулся к небесам. Люди ахнули и разом оцепенели всей площадью. Хейта тоже замерла, устремив кверху испуганный взор.

Таинственный свет стремительно закрутился, беспрестанно густея и клубясь. Он обретал очертания большой золотистой фигуры. А мигом позже над головами изумленных людей распростерла крылья коричнево-черная сова.

Волшебная птица плавно и бесшумно закружила над притихшей площадью. Янтарные глаза ее горели неистово и ярко. Вот раскрылся хищный клюв, и воздух прорезал резкий воинственный крик.

Хейта ждала. Но ничего не происходило. Она облегченно вздохнула и принялась уже пробираться вперед, как вдруг грозная птица дрогнула. Заметавшись на месте, она истошно заверещала, заискрилась, побагровела. Девушка вытаращила глаза. Сердце ее рухнуло в пропасть. Люди заволновались.

А в следующий миг сова вспыхнула и с оглушительным грохотом разорвалась над головами людей, испустив в воздух десятки яростных искр! Люди истошно закричали. Одни просто от испуга, на других загорелась одежда. Но один крик, больше похожий на рев раненого кабана, перекрыл все остальные. Увидев потерпевшего, Хейта пошатнулась. Перед насмерть перепуганным пастырем стоял Варх. Остатки надежды истаяли, как дым от затоптанного костра. «Все пропало!» – мелькнуло у нее в голове.

Варх в неистовом гневе оглядывал обожженную по локоть руку. Его редкие белесые волосы прилипли к вспотевшему лбу, тонкие губы искажила злоба.

– Я тебя! – прорычал он, кидаясь на пастыря, как коршун на полевку.

Но Хейта оказалась быстрее. Напрочь позабыв о приличиях, она растолкала впереди стоявших людей и бросилась Варху наперерез. Загородив оледеневшего Тэша, выставила руки перед собой.

– Не трогай! Он не нарочно!

– Тебе чего надо? – свирепо выплюнул тот. – Прочь пошла, полоумная девка!

– Он не хотел! – упрямо повторила Хейта.

– А мне плевать, хотел или нет, – язвительно отозвался Варх. – За свою шутку карлик дорого заплатит!

Маленький Тэш, задетый за живое, вдруг выпрыгнул из-за девушки.

– Я не карлик! – крикнул он запальчиво. – Я – пастырь! А ты... ты не смей с ней так говорить. Не то я тебя! – Он воинственно потряс худенькими кулачками.

– Уймись, – шикнула на него Хейта. – Ты и так натворил довольно.

Но было поздно. Лица людей вытянулись от изумления. Над площадью пронесся тихий ропот:

– Пастырь! Настоящий! Из леса!

Хейта затравленно огляделась, облизнула пересохшие губы. Теперь не отделаешься наспех придуманной байкой. И вообще, судя по всему, не отвертишься. Она вздохнула.

– Да, пастырь. Но он не хотел никого обижать.

– Ага, потому и попытался тут все поджечь! – ядовито прошипел Варх. – Пастыри жаждут лишь одного – нас, людей, со свету сжить.

Остальные поддержали его дружным гомоном.

– Неправда! – в негодовании воскликнула Хейта. – Не жаждут они этого. И он подобного не замышлял. Впечатлить вас хотел. Но волшебством плохо владеет. Ведь он ребенок еще. Вот и выходит все наперекосяк.

Она огляделась с надеждой. Но лица людей были мрачными и враждебными. Только мать смотрела на них с Тэшем сочувственно и испуганно.

А вот потешников присутствие пастыря совсем не взволновало. «Видят не в первый раз», – мелькнуло в голове у Хейты. На нее они глядели с еще большим любопытством, чем прежде.

– Плевать! – рявкнул Варх, устремляясь вперед.

– Ты не можешь! – веско сказала Хейта. – Закон не велит. Или зря его люди и существа после войны заключили?

– По закону нельзя людей чародейством калечить, – процедил Варх.

– Равно как и трогать детей. Что наших, что их, – отрезала Хейта. – Родители сами решают, как их наказать. И за них же держат ответ. Если ничего сделать нельзя, поступают так, как велит закон. А если можно, исправляют то, что те натворили. Родители Тэша – пастыри. Могли бы руку залечить.

– Да я себе ее отрежу скорей, чем позволю зеленокожему к ней прикоснуться! – прорычал Варх и снова подался вперед.

– Навредишь ему – на всю деревню навлечешь беду, – упрямо проговорила Хейта. – Пастыри совсем не такие, как вы считаете. Они никому не желают зла. Но обидишь их ребенка – точно наживешь себе врагов!

– Это не ребенок, – по-гадючьи прошипел Варх, – а зеленокожий выродок. И те, кто его породил, тоже выродки. Захотят мстить – пускай явятся. Следом попадут под раздачу. И больше носа из этого проклятого леса не покажут. – Он лихорадочно огляделся. – Верно я говорю?

Как от искры, бывает, занимается лес, так от метко брошенного слова вспыхивает слепой ненавистью взбудораженная толпа. Люди яростно закричали, затрясли кулаками, придвинулись ближе.

– Но это же не по закону, – севшим голосом проговорила Хейта.

– Мы надежно схоронились от прочего мира, – нехорошо ухмыльнулся Варх. – Что нам здесь, в глуши, до каких-то законов? Ведь проверять никто не придет. Мы сами себе закон! – Он оскалился и стал надвигаться.

Тут в растерянной Хейте произошла значительная перемена. Лицо ее словно окаменело. До скрипа стиснулись зубы. Умоляющий взгляд сделался холодным и твердым.

– Не тронь! – бросила она жестко.

Варх опешил на мгновение, но тут же опомнился и выпучил глаза.

– А не то что?

– Увидишь, – сдвинула брови Хейта.

– Ах, вот оно что! – Он хлопнул ладонью по колену. – Ты думаешь выкинуть штуку вроде той, что в детстве. Долго я ломал голову над тем, как тебе это удалось. В ворожей я не верю. Но чары зеленокожих – иное дело. – Он смерил Тэша колючим взглядом и презрительно сплюнул. – Видно, один из этих уродцев тебя тогда и защитил. Но на этот раз тебе никто не поможет.

Хейта устало вздохнула.

– А кто сказал, что мне нужна помощь?

Варх злорадно осклабился.

– Ясно. Ты, чучело, тоже хочешь под раздачу попасть. Милости просим. Отговаривать не стану. – Он оглянулся. – Ребята, айда!

Двое крепких парней из его шайки кинулись к Хейте и ухватили ее за руки. Двое других отрезали Тэшу путь к отступлению. Не спуская с Хейты самодовольного взгляда, Варх обошел ее кругом и сцапал несчастного пастыря со спины. Он уже открыл рот, чтобы снова бросить что-то глупое и жестокое, но не успел...

Хейта отчаянно забилась, силясь вырваться, точно птица, угодившая в силоч. Плащ ее перекосялся, капюшон безвольно повис, вишневые волосы беспорядочно разметались. Изловчившись, она вывернула ладони.

В тот же миг слепящий свет вспорол вечерний полумрак. Несколько золотистых лучей ударили разом, расшвыряв обидчиков по сторонам. Послышались глухие стоны, чьи-то испуганные крики. Хейта медленно обернулась.

Обычно бледное лицо девушки покраснелось. Серые отметины проступили ярче. Большие глаза грозно сверкали, как осколки льда под лучами зимнего солнца. Столь ярое негодование читалось в них, что люди невольно отпрянули. Такой в деревне Кихт ее еще не знали.

– Пусти, – сказала Хейта тоном, не допускающим возражений.

– Ворожея! – сипло выдохнул Варх.

– И да, и нет, – ответила девушка. – Разъяснить не стану, все равно в толк не возьмешь. Пусти, – голос был сухим и жестким, как трескучий снег в глухую морозную ночь.

– Нет! – выкрикнул он, смертельно побледнев. – Ты тогда... ты меня тогда... – Он затравленно огляделся и отчаянно выпалил: – Я уйду. И ты не посмеешь тронуть меня. Иначе и дружку твоему несдобровать! – Он присел и принялся пятиться, прикрываясь маленьким пастырем как щитом.

Не будь Хейта вне себя от ярости, точно бы расхохоталась. Здоровенный детина тщится спрятаться за перепуганным ребенком. Но ей было не до смеха.

– Сам напросился, – бесстрастно бросила она, вскидывая руку.

В тот же миг Варх разжал пальцы и оттолкнул пастыря от себя. Однако ноги подвели

его, и, неловко крутанувшись, парень растянулся на земле. Послышались редкие смешки. Варх подскочил как ошпаренный, пристыженно огляделся. Потешники белозубо скалились.

Тэщ, не веря своему счастью, опрометью кинулся к девушке.

– Ты в порядке? – ласково спросила Хейта, пристально вглядываясь в его мертвенно-бледное личико.

Тот поспешно закивал. Как вдруг, подле них кто-то истошно заголосил:

– Она убила его! Уби-ила!

Рябая девушка, та самая, что давеча потешалась над Хейтой, ныне размазывала по лицу горячие слезы.

– Братик, роди-имый! – жалостно завывала она.

Над вторым валявшимся на земле парнем хныкал белобрысый мальчишка, братец меньшей, не иначе. Хейте сделалось не по себе.

– Живые они, – ответила девушка. – Скоро в себя придут.

– Вот и славно, – произнес чей-то властный спокойный голос.

Все разом обернулись. Старейшина Фархард, тяжело опершись на посох, сверлил Хейту долгим, испытующим взором. Она невольно поежилась. Точно безголосая метель, подкравшись внезапно, вот-вот готовилась обрушиться на ее несчастную голову. Налететь, сбить с ног, бешено закружить да потащить прочь.

– Не дали мне передохнуть, – улыбнулся старик, но строгие глаза не улыбались.

– Это все она! – воскликнула рябая, ткнув пальцем в Хейту.

– Я не нарочно! – вырвалось у девушки. – Они первые напали.

– Вранье, – ядовито прошипела та. – Зеленокожий первым напал. А она следом. Ворожея. – И без того некрасивое лицо ее исказила злоба. – Их надо судить. И наказать. Чтоб впредь неповадно было!

– Хватит! – одернул ее Фархард. – Я хоть и не сначала тут был, но слышал довольно. Ты! – Он вперила тяжелый взор в побледневшего Варха. – Проверять, говоришь, никто не придет? Но жив еще старый Фархард! А стало быть, есть перед кем ответ держать. – Он скрежетнул зубами. – Напыщенный, бестолковый мальчишка!

Пасмурный Варх вспыхнул от обиды, но рта раскрыть не посмел.

– Именно, мальчишка! – сверкнул глазами старейшина. – Ибо парень не бросился бы драться с ребенком. И с каким ребенком! С отпрыском пастырей. – Глаза старика метали молнии. – Ты тут вещал, что пастыри желают нам зла. Но, насколько я помню, а уж помню я, будь уверен, побольше твоего, пастыри на деревню ни разу не нападали. Но и мы прежде не угрожали расправой их детям. – Он изучающе поглядел на Варха. – Скажи мне, как ты при случае надеялся пастырей одолеть? У них – лесное волшебство. А у нас что? Палки да косы?

Варх не ответил, только голову ниже опустил.

– Ты подверг опасности всю деревню! – громыхнул Фархард. – И за это, Варх, сын Харта, тебя будут судить. – Он перевел взгляд на Хейту. – Пастыря нужно отправить к своим. Пусть родные рассудят его поступок. Ты одна ходишь по Заповедному лесу. Сможешь его провести?

– Еще как смогу! – кивнула девушка. – Благодарю.

– Не благодари раньше времени, – тяжело ответил старейшина. – Ты пойдешь с ним, однако назад не вернешься.

– То есть, – растерялась Хейта, – как это не вернусь?

– Ворожея ты али кто еще, – проговорил Фархард, – но ты пошла против людей.

При словах «кто еще» Хейта изумленно вытаращила глаза. Неужто знает? По лицу старейшины трудно было что-либо угадать. Но тут ее что-то словно толкнуло изнутри: знает! И уже очень давно.

Пристальные взгляды потешников вывели Хейту из оцепенения. По искрам в их темных глазах она поняла— те тоже догадались, кто стоит перед ними. Тут-то ее и накрыл по-настоящему безотчетный, неистовый страх!

В ушах гулким эхом отозвались последние слова Фархарда. Она вдруг ясно поняла, что он собирался сказать. От горькой обиды защипало в носу.

– Но ведь я помогла! – в отчаянье вскричала она.

– И чуть не убила двоих, – ответил старейшина. – А приятель твой народ покалечил и до смерти напугал. – Он качнул головой. – Долгие годы я мирился с тем, что ты жила в нашей деревне. Вроде со всеми, а в то же время сама по себе. Всегда незаметная, немногословная. Ты уходила и подолгу пропадала в Заповедном лесу. – Он тяжело вздохнул. – Я терпел ради твоего деда, почтенного Борхольда. Но мне вверено следить за деревней Кихт. И теперь я вижу: такое соседство для ее жителей опасно. Тебе больше не место здесь. – Он вперил в Хейту суровый немигающий взор. – Властью, данной мне жителями деревни Кихт, я провозглашаю тебя, Хейта, дочь Хальда, изгнанницей. Ты должна уйти тотчас же и более никогда, под страхом смерти, сюда не возвращаться. – Он вдруг как-то погрузился и сгорбился. – Я все сказал.

Толпа разразилась неистовым ликованием. Точно вода, насильно удерживаемая долгие годы, наконец, прорвала плотину и принялась злорадно бушевать. Люди что-то кричали. Лахта плакала. Маленький Тэш тянул Хейту за платье. А та стояла как оглушенная.

Изгнание. Страшное наказание. Изгоняли обычно самых презренных. Тех, кто настолько ничтожен, что не приняли даже свои. Это как клеймо на всю жизнь. От него не отмоешься и не скроешься. Слухи об изгнанниках передавались из уст в уста.

Хейта знала, что скажет Фархард. И ждала. Но легче от этого не стало. Жгучая обида захлестнула ее с головой, не давая дышать. Ведь она никому не желала зла. Столько лет она пыталась ужиться с другими, старалась не мешать, ждала, когда люди перестанут насмешничать, начнут ее по имени называть. И вот, когда ей почти поверилось, что это не пустые мечты, их одним махом бросили оземь и растоптали. Ярый гнев всколыхнулся в глубине ее существа, дотла опаляя нутро.

– Нет! Не изгоняйте ее!

Голос матери резко ударил по ушам. Хейта вздрогнула, очнулась и ищуще огляделась. Лахта стояла перед старейшиной на коленях, содрогаясь от рыданий.

– Фархард, родимый, не изгоняй мою дочку!

Скорее ветра Хейта бросилась к ней, подхватила под руки, подымая с земли.

– Мама, прошу! Не надо, мама! – Краска залила девичье лицо. – Не перед ними.

– Но ведь ты... ведь тебя... – сбивчиво проговорила Лахта.

– Ничего не изменить, – тихо, но твердо сказала Хейта. – Сказанного не воротить. Все решено.

– Доченька, – сипло прошептала Лахта, размазывая по лицу слезы грязной от земли рукой.

Хейта прижалась губами к материнскому лбу, сжала суховатую ладошку Тэша и шагнула вперед. Люди в страхе отпрянули. Отовсюду на девушку и маленького пастыря глядели холодные, перекошенные от ненависти лица. Дядька не смел поднять глаз. Потешники

сурово скрестили заскорузлые руки. Но Хейте поместилось вдруг, что суровость эта предназначалась не им двоим.

Тисх отвернулся и нервно теребил ворот широкой рубахи. Подле него высилась крепкая седовласая Фальхта. Она стояла чуть впереди, точно пыталась загородить Тисха от чужих глаз, и сверлила Хейту жгучим, давящим взглядом.

Девушка медленно подошла. Тисх нехотя поднял вздрагивавшие глаза. Хейта подивилась тому, как они переменились. Как они могли показаться ей безмятежными, светло-голубыми? Водянистые были глаза, холодные, как у рыбы, и плавал по самой кромке колючий лед.

Хейта криво усмехнулась.

– Что, уже не по нраву?

– Он с ней! – пронеслось над толпой. – Тисх с ней любовался!

– А что я! – затравленно огляделся тот. – Больная девка. Ворожея к тому же. А я не терплю ворожей.

– Не знался он с ней и не собирался! – громыхнула Фальхта, уперев руки в бока.

Вокруг загоготали.

– За мамкиной юбкой! – бросил кто-то, и хохот стал громче.

– Пошли отсюда, сынок, – ласково приказала Фальхта, подхватив его под руку.

Но лицо Тисха вдруг побледнело и исказилось от злобы. Он вырвался с криком:

– Это ты во всем виновата! Все уши прожужжала: «Она славная, кроткая, работающая. Да к тому ж ворожея. Чего еще надо? Ты к ней подойди. Ты шкатулку забери!»

От неожиданности Фальхта выпучила глаза. Видать, не привыкла, чтобы тихоня сын с ней так разговаривал. А Хейту как кипятком обдало! Вот зачем им понадобилась шкатулка. Вот почему ее Тисх по имени называл. Мать наказала. Невесту на свой вкус хотела подыскать. Девушка усмехнулась. Просчиталась Фальхта. Ой как просчиталась! За него, видно, и так не горели замуж идти, а теперь и вовсе нос воротить станут. С ворожеей-лесовичкой миловался, с изгнанницей.

Хейта медленно сняла с головы небесно-чистый незабудковый веночек. Тот самый, что для праздника плела. Плела, думая о нем. Без сожаления бросила под ноги.

– Вот тебе и дивные глаза, – обронила она и, отвернувшись, двинулась прочь.

Девушка ступала тяжело, но при этом всем телом она ощущала, как с каждым шагом в ней прибавлялось странной, неведомой дотоле уверенности. Как рвались незримые нити, связывавшие ее с родной деревней, с приземистыми домами, пыльными дорогами и с людьми, что так и остались для нее чужими. И, хотя сердце отзывалось в груди Хейты мучительной болью, дышать ей постепенно делалось все легче и легче.

Неожиданно с ветки гибкой осины сорвалась хохлатая черногрудая сойка. Пронзительно вскрикнув, она пронеслась над головами Хейты и Тэша и ярко-синей стрелой исчезла в ночи.

Когда площадь осталась далеко за спиной, Хейта, наконец, задышала ровнее и отпустила ладошку Тэша.

– Тебя дома как долго не было? – спросила она.

– Как с утра ушел, так и все, – нехотя отозвался тот.

– А Ройх что же? – изумилась девушка.

– Да обхитрил я его, – отозвался Тэш. – Сказал, что на колючку наступил и больно идти. Он спину и подставил, чтоб довести. А я его усыпил.

Хейта покачала головой.

– Лисоволки чувствуют ложь. Он бы ни за что не поверил.

– Знаю, – уныло протянул Тэш. – Потому я взаправду и наступил. Нога до сих пор ноет немного.

Девушка воззрилась на него в негодовании.

– Ну, бесстыжий! – И тут же схватилась за голову: – Пастыри, наверно, уже весь лес на уши подняли! Надо ноги в руки – и туда!

Они ускорили шаг. Вскоре из-за угла показался обветшалый дом Хейты. Маленькие окна неярко светились, из отверстия в крыше валил черный дым. Девушка замешкалась. Зайти попрощаться? Но времени в обрез. А двумя словами тут не обойдешься. Нет, нельзя заходить.

– Прости, дедушка, – горько прошептала Хейта и ускорила шаг.

Привратник Бэрх, против своего обыкновения, не спал. А завидев их, тотчас поспешил навстречу.

– Что там стряслось? – любопытствовал он. – На праздниках всегда шумят. Но нынче совсем уж странно. И что это были за вспышки?

Хейта не ответила. Лишь прильнула к широкой груди старика. Тот отстранил ее, с тревогой в глаза заглянул. Что он там прочел и как – одним звездам было известно, однако сразу смекнул, как примерно обстояли дела.

– Выжили-таки?

Девушка молча кивнула. Бэрх с сожалением покачал головой, вновь притянул ее к себе, бережно потрепал по волосам.

– Да ты не горюй. Было б из-за кого горевать.

Хейта лишь кисло улыбнулась в ответ.

– В лес уйдешь? – ласково спросил он.

– Пока в лес, – ответила Хейта, отстранившись. – Надо друга моего проводить. А дальше не знаю.

Привратник перевел взгляд на притихшего Тэша. Сдвинул седые брови.

– Он из этих... лесных?

– Он – пастырь, – ответила Хейта, не видя больше смысла таиться. – А еще – мой названный брат. Он там набедокурил по глупости. Но зла никому не желал. – Она тяжело вздохнула. – Просто так вышло.

Бэрх понимающе закивал и осторожно приблизился к Тэшу, оглядел его пытливо, как видно, не в силах поверить собственным глазам. Неожиданно морщинистые губы его сложились в улыбку.

– Меня, стало быть, зовут Бэрх. – Он протянул Тэшу заскорузлую руку.

Пастырь смерил его недоверчивым взором, но руку все-таки пожал.

– Тэш.

– Друг Хейты – мой друг, – тепло добавил Бэрх.

Заслышав это, пасмурный Тэш просто просиял. Хейта улыбнулась.

– Мы бы задержались, но нам надо спешить.

Бэрх понимающе кивнул.

– Ступайте, задерживать не стану.

Хейта обняла его на прощанье и потянула Тэша за рукав. Тот нехотя потопал за ней следом, помахав привратнику узластой ручонкой. Выскользнув за ворота, девушка и пастырь спешно двинулись лугом к Заповедному лесу. А Бэрх еще долго глядел им вслед, не переставая тихо дивиться себе под нос.

– Пастырь. Настоящий! Из самого леса. Чудеса, да и только!

Еще издали Хейта и Тэш увидели, что проход под древесной аркой слабо светился. Когда они приблизились, подле дерева выткался чей-то темный силуэт, над ним мерно покачивался волшебный фонарик.

Внезапно неизвестный шагнул вперед. На вытянутом остроносом лице горели такие же острые жемчужные глаза. Высокий лоб обрамляли тяжелые темно-лиловые волосы, а крупные губы сложились в недоброй усмешке.

Хейта внутренне поежилась. Пастыря этого звали Кхош, и Тэшу он приходился братом. Его растением-покровителем был безвременник. В провалах высоких скул залегли длинные тени этих смертоносных цветов. Дерзкий и молодой, Кхош успел застать Кровавую войну и с тех пор возненавидел Фэй-Чар всем своим существом.

– Тебе что, жить надоело? – шагнул он к Тэшу, не удостоив Хейты даже и взгляда. – Потатился в людскую деревню. Там мать с отцом чуть разума не лишились! Шарши места себе не находит. Эйша выплакала все глаза. Чем ты думал?!

Тэш молчал, не смея поднять глаз, точно к месту примерз.

– Что ты натворил, отвечай?! – теряя терпение, воскликнул Кхош.

– Он видения хотел показать, – пояснила Хейта. – Не все вышло гладко и...

– А тебя вообще никто не спрашивал, Фэй-Чар! – раздраженно перебил ее Кхош. – Кабы не ты, ничего бы этого не было. Навязалась на нашу голову, а мы теперь разгребай! – Он схватил Тэша за плечи. – Говори, пострадали люди или нет?

Хейта знала, что людей Кхош недолюбливал чуть меньше, чем ее. И не об их благе тревожился. О последствиях для самих пастырей.

– Пострадали, – едва слышно выдавил Тэш.

Кхош нахмурился.

– Отцу передам, чтоб со всей строгостью тебя наказал. – Он обернулся к Хейте. – Можно что-то исправить? Что они хотят?

– Ничего, – хмуро ответила девушка.

– Так уж и ничего, – недоверчиво прищурился пастырь. – Небось шкуру с него желали спустить?

– Да, желали! – вдруг выпалил Тэш. – А Хейта за меня вступилась. Тогда старейшина меня отпустил, а ее из деревни изгнал.

Кхош опешил слегка и некоторое время хранил напряженное молчание.

– За то, что вступилась, благодарю, – наконец, сухо бросил он.

– Не за что меня благодарить, – мотнула головой Хейта. – Он мой брат и...

– Никакой он тебе не брат! – снова взъярился Кхош. – И ты ему не сестра. Не знаю, где ты после изгнания думаешь обосноваться, но помни, на Лучистой поляне многие этому будут не рады. – Он стукнул кулаком по груди. – Начиная с меня!

Внезапно из-за спины Кхоша послышалось глухое рычание. Тот поспешно обернулся. Лисоволк стоял, ощерившись, синие глаза свирепо сверкали, густая шерсть встала дыбом.

– Ройх! – воскликнула Хейта.

Тот вмиг успокоился и медленно двинулся девушке навстречу, не сводя с оторопевшего пастыря тяжелого взгляда. Миновав его, лисоволк бросился к Хейте как преданный пес и принялся радостно облизывать ее холодные ладони. Он виниться пришел, не иначе. За то, что

за Тэшем не доглядел. Хейта обняла его за шею и принялась утешать.

Кхош оправился от испуга, лихорадочно поглядел на брата.

– Довольно здесь торчать. Мне велено привести тебя как можно скорей!

Лучистая поляна по обыкновению встретила путников теплым светом волшебных огней. Однако, вопреки извечному покою и тишине, на ней стояло необычайное оживление. Пастыри, столпившись под деревьями, взволнованно перешептывались и то и дело печально качали головами.

Завидев Хейту и Тэша, все разом переполошились. Эйша с матерью, златовласой Ошей, сломя голову бросились к Тэшу, сгребли его в охапку и принялись судорожно рыдать. Отец его, краснобородый Шорщ, тоже мигом оказался рядом и принялся строго выговаривать непослушному сыну, но за женскими рыданиями его было совсем не слышать. Неведомо, сколько бы вся эта суматоха продлилась, если бы из дома не показался Шарши.

Все смолкли точно по волшебству. Глава пастырей казался не просто строгим – суровым. Но Хейта знала, что за этой видимой холодностью крылась небывалая радость оттого, что его любимый внук вернулся домой.

Шарши пристально поглядел на Тэша и жестом велел ему подойти. Маленький постреленыш опасливо втянул голову в плечи и, бросив на Хейту жалобный взгляд, понуро побрел к застывшему в безмолвии деду.

Хейте не было слышно, о чем они говорили. Шарши что-то спрашивал, Тэш отвечал, стыдливо потупившись. Несколько раз старик поднимал внимательные глаза и задумчиво поглядывал в ее сторону. Потом он приобнял внука за плечи и перепоручил его заботливой Ашше, которая тут же увела того с глаз долой. Сам Шарши, направившись к дому, оглянулся на пороге и кивнул Хейте, предлагая ей последовать за собой.

В жилище пастырей было светло, уютно и тепло. Несколько волшебных светильников покачивались под потолком. Деревянная мебель, утварь и другие затейливые вещицы отбрасывали мягкие тени.

Хейта окинула задумчивым взглядом диковинный дом, давно ставший для нее привычным и родным. От мысли, что с ним тоже придется расстаться, девушке вдруг сделалось необычайно грустно и тяжело.

Шарши поймал ее взгляд, взял со стола кувшин с родниковой водой, налил полную кружку и протянул ей. Хейта приняла ее с благодарностью. Она любила родниковую воду. Прохладное питье бодрило дух, делало разум ясным, а на сердце от него становилось светлей.

– Спасибо, что сберегла Тэша, – сказал Шарши.

Хейта кивнула.

– Да ты уже, поди, наслушалась благодарностей, – криво усмехнулся он. – А от Кхоша, конечно, पहले всего?

Девушка фыркнула.

– Да. Он при встрече на добрые слова не поскупился.

– Ты прости, что отправил его, – трудно вздохнул Шарши. – Знаю я, что этот сварливый глупец тебя не жалуется. Зато сон насыпать он мастер. Вот я и подумал— быть может, при случае он выручит Тэша так, чтобы никто не пострадал?

– Да все в порядке, – равнодушно пожала плечами Хейта. – Я и похуже речи слыхала.

Шарши неожиданно посерьезнел и нахмурился.

– А вот и не в порядке. Я и Кхошу выскажу. И этим... – Он воззрился на девушку, снедаемый бессильным гневом.

Хейта печально улыбнулась.

– Оставь, деда. С людьми толковать не имеет смысла. Они не поймут. Уж точно не сейчас.

Шарши кивнул, упер в стол невидящий взор и неожиданно со всей мочи бухнул по нему кулаком.

– Они не имели права тебя изгонять! Ты ведь не замышляла дурного!

Хейта осторожно приблизилась.

– Но ты же знаешь, что имели, деда. Старейшина волен поступать, как считает нужным, во благо деревни. И он свой выбор сделал. – Она вздохнула. – Да и потом... нечего мне там делать.

Шарши вскинул глаза.

– Не говори так, внучка. Ты среди них росла!

Хейта мрачно усмехнулась.

– Знал бы ты, как они меня ненавидят. Как страшатся волшебства. Они ведь готовы были разорвать на части и Тэша, и меня.

Лицо пастыря дрогнуло. Он опустил потускневшие глаза.

– Но ты всегда надеялась, что однажды все переменится к лучшему.

Хейта сухо усмехнулась.

– Знаешь, для девушки, владеющей древним волшебством, я на диво недалеко и слепа!

Шарши покачал головой.

– Зачем ты так...

– Но это так! – воскликнула Хейта. – Они всегда меня ненавидели. Всегда боялись. Ты б только видел, как они возликовали, когда Фархард меня изгнал! Небось, всю жизнь именно этого и дожидались.

Пастырь скрипнул зубами.

– Шоргшэх. ^[6]

В глазах Хейты протаяла боль.

– Мать с дедом жалко. Я ведь из-за них не уходила. Но теперь-то уж ничего не поделаешь. – Она с надеждой поглядела на пастыря. – Приглядишь за ними, дед Шарши? Одни они пропадут...

Пастырь сдвинул небесно-голубые брови.

– Ты что же, и от нас уходишь?

Насилу выдержав его взгляд, Хейта кивнула.

– Ухожу. Я все обдумала по дороге.

Шарши затряс головой.

– В этом нет нужды. Одного дома тебя лишили, внучка. Но двери другого для тебя всегда открыты.

Хейта улыбнулась и ласково его обняла.

– Благодарю тебя, деда. Но что я стану здесь делать? И сама изведусь, и вас измотаю. Да и потом, я ведь всегда мечтала мир повидать. Вот, видно, время и пришло.

Шарши долго на нее глядел, потом печально улыбнулся. Как и Лахта, он ведал, что переубедить упрямыцу не удастся.

– Куда идти-то сдумала?

– В Хольтэст, – ответила Хейта. – К Фэйру. Он давно меня звал, а я все отказывалась.

Стану ему помогать, исцелять, а дальше видно будет. – Девушка вновь подступила к Шарши. – Ты только обещаешь за моей матерью и дедом приглядывать, хорошо?

Пастырь кивнул.

– Конечно, внученька. Обещаю.

Хейта вздохнула.

– Я, правда, с ними даже не попрощалась.

Шарши открыл рот, но ответить не успел. В тот же миг распахнулась входная дверь, и на пороге показалась заплаканная Лахта.

– Доченька! – судорожно воскликнула она.

Следом дверной проем подпер мрачный как туча Борхольд. Хейта кинулась матери на шею. Дед стоял рядом и молчал, но подслеповатый взгляд был горьким-горьким.

Неведомо, сколько они так простояли, когда Лахта, наконец, отстранилась. На бедной женщине не было лица, но она изо всех сил держалась, чтобы снова не заплакать.

– Дошли так быстро, как смогли, – заговорила она. – Я, почитай, сразу к дому бросилась. Мне никто и не подумал мешать. Все судят о том, что делать с Вархом. Даже потешников втянули. Но они вроде против него настроены. – Глаза ее вдруг потемнели. – Вот и хорошо. Пусть ему столько работы присудят, чтобы он руки стер и спину вовек не разогнул!

– Мама! – изумленно воскликнула Хейта.

– А что? – ничуть не растерялась та. – Из-за него мою дочь изгнали. Это я еще мало пожелала. – Она пылливо огляделась. – Ты в этом доме будешь или в каком другом?

Хейта открыла было рот, но слов не нашла и просто застыла, уставив на мать широко раскрытые глаза. Лахта испытующе посмотрела на дочь, склонила голову набок.

– Уходишь?

Девушка сглотнула.

– Да, решила до Фэйра пойти. Как ты говорила.

Лахта кивнула.

– Хорошо. Стало быть, я не зря твои вещи взяла. – Она обернулась к Борхольду, и тот передал ей выдавший виды дорожный мешок. – Когда-то, – сказала Лахта, – он принадлежал твоему отцу. А теперь будет твоим. Я тут одежды в дорогу припасла, одеяло, немного еды.

Хейта онемела.

– Но как ты...

Лахта улыбнулась уголком рта.

– Считай это материнским чутьем. – Она вздохнула. – Да и недобрая это затея— жить подле деревни, из которой тебя изгнали. Чтобы каждый звук, долетевший оттуда, изо дня в день напоминал о случившемся.

Хейта с трепетом переняла вещь, которая когда-то принадлежала ее отцу, горячо поцеловала мать, а следом и деда. Борхольд прижал ее к широкой груди.

– Ты прости, что не зашла попрощаться, – прошептала Хейта. – Времени было в обрез.

Дед только крепче ее обнял и сурово произнес:

– Ничего. Они у меня еще попляшут. Кровопийцы проклятые.

Лахта тронула дочь за плечо.

– Вот, кошель еще возьми. Тут, правда, всего одна монета, зато золотая. Берегла на черный день.

Хейта хотела воспротивиться, но мать так на нее поглядела, что она не осмелилась. Подвязала кошель к поясу и закинула за спину мешок.

– Да ты его оставь пока, – спохватилась Лахта. – Тяжелый. Успеешь еще натаскаться. Отдохни, отоспись. Путь предстоит неблизкий.

Хейта потупилась, переступила с ноги на ногу и веско проговорила:

– Я сегодня пойду.

Лахта вытаращила глаза.

– На ночь глядя?! Зачем? Куда торопиться?

Хейта решительно тряхнула головой.

– Осень настала. Дожди со дня на день зарядят. Не хочу промокнуть, и дороги развезет.

Девушка оглядела недоверчивые лица родных и добавила мягче:

– Да и сердце толкает в путь. Когда оно так горит, лучше не мешкать.

Они не ответили ей. Просто разом понурились, как цветы, которые покинуло солнце, и трудно кивнули. Отпускать ее им было тяжело, но отпускать тотчас— вдвойне тяжелее.

Хейта тряхнула мешком.

– Сперва в дорогу обряжусь.

Один за другим Лахта, Борхольд и Шарши покинули стены теплого дома. Маленькая дверца со скрипом затворилась, вспугнув с окна черно-синюю сойку. Яркой стрелой взмыла та в воздух и тотчас исчезла в гуще темной листвы.

Птицы с таким оперением довольно редки. Знай они, что эта сойка появилась подле Хейты не в первый раз, наверняка бы насторожились. Но они того не знали. Только Тэш снова ее заприметил, но, с истинно детской беззаботностью, значения тому не придал.

Вскоре, снарядившись в путь, в дверях показалась и сама Хейта. Окинув чутким взором застывших в молчании пастырей, она нерешительно замерла на пороге. Девушка не знала, что надо было сказать, но слова как-то сами нашлись.

– Спасибо вам, дорогие пастыри, – улыбнулась Хейта. – За то, что все эти годы нянчились со мной, учили уму-разуму, кормили, в дом привечали. Спасибо и тем, кто меня любит, и тем, кто еле терпит. – Она мельком поглядела на Кхоша, а тот неожиданно отвел взгляд. – Мне будет не хватать всех вас.

Маленький Тэш громко зашмыгал носом.

– Я не прощаюсь навсегда, – поспешно добавила Хейта. – И обязательно буду время от времени вас навещать. – Она вздохнула. – Однако сегодня я вынуждена проститься.

Не в силах дольше терпеть, Тэш бросился вперед и повис у нее на шее. Хейта крепко прижала к себе названного брата, ласково погладила его по волосам.

– Не уходи, – прошептал он. – Тебе не место среди людей. Ты ведь не человек. Не такой, как они. Ты можешь остаться с нами.

Хейта бережно коснулась пальцами его щеки.

– Ты прав, я не человек. Но и не пастырь.

В глазах маленького Тэша протаяло понимание.

– Ты – Фэй-Чар.

Девушка кивнула.

– Верно.

Он сдвинул брови.

– И что это значит?

Хейта усмехнулась.

– Думаю, именно это мне и предстоит узнать.

Тот вздохнул и грустно кивнул в ответ. Горячо простившись с матерью и дедом, Хейта ступила на тропу. По правую руку от нее черной тенью вырос Ройх. По левую— воспарил волшебный фонарик. Чувствуя, как щемит сердце тоска, Хейта быстро пошла вперед. Шевельнулись еловые лапы, скрыв ее из виду. Вот и второй дом остался позади.

Лунный свет окутывал деревья загадочной голубоватой пеленой. Прозрачная, неувимая, легкая, она беспрестанно мерцала, точно тонкое полотно, вытканное руками неведомых небесных ткачей. И казалось, что это не деревья стоят, а неземные стражи-хранители в волшебных одеждах, неустанно и чутко оберегающие всемирный сон, согласие и покой.

Лес кончился внезапно. Деревья расступились, являя взору тусклый, пепельно-серый простор. Узкая дорога еще некоторое время бежала вдоль леса, потом резко сворачивала и бесследно терялась в нагромождении холмов. Сердце Хейты от волнения бешено заколотилось. За ее спиной, удрученный предстоящей разлукой, заскулил лисоволк.

Хейта опустилась перед ним на колени, порывисто обхватила за шею, уткнулась лицом в мягкий, теплый мех. Эти двое понимали друг друга без слов. Каждый ощущал боль другого как свою. Неведомо сколько они так просидели – показалось, что целую вечность, – когда Хейта вдруг отстранилась, поглядела зверю в глаза и трудно произнесла:

– Я должна идти, понимаешь? С собой взять не могу – небезопасно тебе. Поймают – живым не уйдешь. Беги домой, в лес. Я вернусь, и мы непременно увидимся.

Лисоволк поглядел на нее, ничем не выказав недовольства, покорно прошелся по щеке теплым языком. Сердце девушки болезненно сжалось. Глотая незваные слезы, она медленно поднялась с колен, затушила волшебный светильник и, глядя перед собой невидящим взором, шагнула в проем между деревьями, как в распахнутую настезь дверь.

Она пошла по дороге быстро, не оборачиваясь, точно страшилась, что один только вид Заповедного леса мог заставить ее передумать. Как вдруг ночную тишину, как мягкое тело ножом, пререзал надсадный, раскатистый вой.

Ройх наконец-то дал волю растерзанным чувствам. И столько в этом вое было неизжитой тоски, что Хейта чуть не задохнулась от боли. Вздогнув, она запнулась и медленно оглянулась. Безотчетной муки были полны жемчужные глаза. Броситься назад, обнять, прижаться щекой, никогда больше не отпускать... Нет! Хейта упрямо мотнула головой. Стиснув зубы, она отвернулась и зашагала еще скорей. Больше девушка не оборачивалась.

* * *

А неумимая птица тем временем летела на юго-запад, все больше отдаляясь от Заповедного леса и деревни Кихт. В холодной темноте сизо-голубые перья сойки казались иссиня-черными. Маленькие глазки грозно сверкали, придавая облику поистине зловещий вид.

Неувимой тенью проносилась птица над мрачной землей. И ни люди, ни оборотни, ни даже пастыри не ведали, что посланника с новостями более важными в мире было не найти.

Бессчетные холмы постепенно сменились лесистыми горами и цепочками каменистых кряжей, покуда впереди не замаячил исполинский Поднебесный хребет. Птица ловко обогнула его, промчавшись над плоскогорьем, и вырвалась в бескрайний угольный простор. В высоком небе горели частые звезды, точь-в-точь повторяя себя внизу. Сойка летела над морем.

Нежные крылья трепал соленый ветер, но стойкая, упорная птица удалялась все дальше и дальше от обозримой земли. Неожиданно из темноты проступили громадные черные пики. И вот, подобно древнему чудищу, восставшему из морских глубин, на горизонте вырос могучий неприступный замок. Невероятно высокий, с тонкими остроконечными башнями, испещренными множеством арочных окон, крепкий и массивный у основания, он безотчетно тянулся к небесам, но при этом глубоко вгрызался стенами, как корнями, в землю, в непроглядную тьму. И эта борьба, это противостояние словно раздирали его изнутри.

Местами виднелись полуразрушенные окна, а камни, выпавшие из них, расплывчатыми грудками темнели у подножия. Довершали эту тягостную картину крылатые фигуры каменных горгулий. Носатые, клыкастые, остроухие, они злобно скалились со стен, карнизов и кровли, безропотно неся службу в качестве безмолвных охранников-часовых.

Сойка влетела в одно из верхних окон центральной башни и плавно опустилась на дощатый стол. Рука, что лежала на нем, тотчас пошевелилась. Но что это была за рука! Неестественно длинная и жилистая, она была покрыта роговой коричневой чешуей и скорее напоминала лапу неведомого зверя. Каждый палец оканчивался острым, как лезвие кинжала, когтем.

Шустрая птица проворно вспрыгнула на подставленную руку. Та тут же поднялась в воздух, к диковинному лицу. Его тоже покрывала чешуя, но лишь на висках и скулах, обнажая неестественно бледную, едва не прозрачную кожу.

Черты лица были на удивление правильными: точеные губы, прямой нос, высокий лоб, густые брови вразлет. И только глаза выбивались из общей картины. Большие, округлые, желтые. Хищные глаза змеи.

Из-под вьющихся иссиня-черных волос выходили два крепких рога, изогнутых полукольцом. Вот крупные губы растянулись в коварной улыбке, обнажив белоснежные клыки, а в змеиных глазах заплясало янтарное пламя.

Невиданная дева была красивой. Но красота эта вызывала не восхищение, а крошечный первобытный страх. Он холодом пробирался в сердце и обвивал ноги незримой бечевой, заставляя их трусливо дрожать. И звалась эта дева – *химерой*.

Жадно впившись глазами в пестрого вестника, она коснулась его головы и вдруг застыла, как изваяние. Перед ее пламенным взором замелькали яркие картины.

Какой-то нелепый людской праздник. Огненная потеха. Пастырь! Детеныш лесных пастырей среди людей! Творит невесть что... А вот и девушка... Волшебство! Ей подвластен свет. Как же ловко с ним управляется! Жалкие людишки перепугались. Хейта... Имя ей Хейта! Изгнание. Как же они предсказуемы! Сборище трусливых, напыщенных глупцов! Девушка идет в лес. Селение пастырей. Наивные, миролюбивые простофили! Девушка уходит! Куда же? Куда она идет? Слово. Название города... Хольгэст!

Химера вздрогнула и очнулась. Глаза ее полыхали янтарным огнем. Она кивнула птице. – Благодарю, Аргат. Лети, получай заслуженное угощение.

Птица сорвалась с ее руки, влетела в высокую напольную клетку и принялась склевывать зерно. А химера поднялась и направилась к окну. Следом за ней устремился

длинный, увенчанный ядовитым жалом хвост.

Одежды на ней не было – за ненадобностью. Сильное тело химеры покрывала выпуклая чешуя коричнево-красного цвета. Пламя светильников жадно облизало фигуру химеры и на мгновение могло показаться, будто это не чешуя, а кровь... Густая, темная кровь от несметного числа порубленных тел бурными пятнами растекалась по ее телу.

В распахнутое окно ворвался ледяной ветер, бесстрашно налетел на химеру, растрепал тяжелые черные локоны. Но та не поежилась – химеры легко переносили и холод, и зной, – лишь по-звериному выгнула спину, всем телом окунаясь в манящую ночную прохладу.

А звезды горели неистово, точно желали излиться на землю испепеляющим огнем. Луна то выплывала, то вновь скрывалась за рваными клочьями угрюмых, серо-черных туч. На лице химеры застыла улыбка, исполненная мрачного, безумного ликования.

– Значит, все-таки Чара, – прошептала она. – Мерзкие, ненавистные людишки. Они заплатят за все. Сами прогнали ту, что могла вступить за них, защитить. Теперь им ничто не поможет... – Она резко обернулась.

– *Укрут!*

В залу тут же, неуклюже прихрамывая, вбежало донельзя уродливое, тощее существо ростом с пятилетнего ребенка. Его грубая, корявая кожа была землистого цвета, длинный нос по форме напоминал крысиный, а из большого рта торчали кривые черные клыки. Засаленные жесткие волосы на голове торчали во все стороны, точно всклокоченная трава на болоте. Одеждой ему служила лишь ветхая роба на заплатках.

Химера столкнулась с укрутами очень давно. И скоро смекнула, что легко может ими управлять, подавляя волю, даже единожды взглянув в их маленькие бесцветные глаза. С тех пор укруты ей и прислуживали, беспрекословно исполняя все, что она ни велела.

– Позови Рукс. Есть у меня одно дело... – Жгучие глаза химеры недобро сверкнули. – В местечке под названием Хольгэст.

Она нетерпеливо махнула рукой, побуждая вошедшего поспешно ретироваться, и вновь отвернулась к окну. В желтых змеиных глазах разгорался зловещий восторг.

– Ну что ж, Хейта, не ты одна нынче отправишься в путь. Отправятся и за тобой. – Она хищно усмехнулась. – Отличная ночь для полета!

Высунувшись из окна, химера негромко свистнула. А в следующий миг одна из горгулий дрогнула... Медленно повернулась на бугристых плечах уродливая голова, и два багровых глаза свирепо вспыхнули в ночи.

Часть 3

Зверь

– Пап, старый Гэл сказал, что охотники и следопыты убивают зверей. – Энар натянул теплое одеяло до подбородка. – Это правда?

– Да, сынок, – кивнул Гэдор. – Но только чтобы прокормиться. Настоящий охотник не станет бить зверя ради забавы или когда его семье хватает еды. Все, кто делает иначе, простые убийцы.

«ЛИСТЫ ПАМЯТИ» ПАСТЫРЯ НАЙШИ

Стылый, темный вечер накрыл и без того мрачный еловый лес. Мутный свет первых звезд изливался на узкую прогалину, густо заросшую кроваво-красной калиной. Угрюмо взирали на нее из поднебесья могучие ели, широко раскинув колючие, цепкие лапы.

Из замшелой чащи не доносилось ни звука. Не кричали бойкие птицы, не сновали осторожные звери, даже ветер не шумел ветвями деревьев. Все замерло в испуганном, напряженном, мучительном ожидании...

И тут вдалеке раздался каркающий треск. Он стал неминуемо нарастать, делаясь страшней, отчетливей и громче. Кто-то неведомый и огромный шел густым ельником в сторону прогалины, не выбирая дороги.

Вот в тревоге задрожали ветви могучих елей, и в проем между деревьями протиснулось мощное плечо, поросшее длинной серо-зеленой шерстью. Следом показалась горбатая спина, утыканная ветвистыми костяными отростками. Но проем оказался слишком узок для такого великана.

Неведомый зверь рванулся вперед что есть мочи. Со скрежетом прошлись отростки по шершавой коре, оставляя на ней глубокие неровные борозды. И содрогнулись от боли вековые ели!

Всколыхнулась калина, запоздало надеясь укрыться, но крупная когтистая лапа безжалостно ее распластала. Лопнули сочные ягоды, щедро заливая черную землю горьким кровавым соком.

Измазав в багровой жиже длинный лохматый хвост, зверь безвозвратно канул во мрак. А синие-зеленые ели остались стоять, поникшие и потрясенные. Они обиженно и недоуменно глядели ему вслед. Деревья знали зло от людских топоров, но не от диких зверей. А потому не понимали, отчего этот зверь повел себя так жестоко...

С юго-восточной стороны лес резко обрывался, переходя в покатый травяной холм с каменистыми проплешинами. У его подножия тоже толпились суровые деревья, несметным войском стоящие до самого горизонта.

Зверь застыл на вершине и чутко принюхался. На лобастой голове высились разлапистые рога. Холодный лунный свет выхватил из темноты два больших темно-зеленых глаза, щедро усыпанных яркими бурыми крапинками. Их напряженный взор был намертво прикован к сумрачной дали. А там, на горизонте, огненным светочем возвышался над темно-зеленым морем душистой хвои большой белокаменный город.

Пестрые глаза зверя свирепо сощурились, и, дико взревев, он решительно бросился вниз. Огромный, мохнатый, утыканный отростками как копьями, он бешено несся к подножию. Глухо взыв, зверь бесследно исчез под пологом очередного беспросветного леса.

* * *

Смеркалось. Шумный торговый город постепенно успокаивался с приближением ночи. Горожане и приезжие заканчивали последние дела. Припозднившиеся торговцы желали поскорее попасть в город, успевая до закрытия ворот.

Они торопили друг друга, громко возмущались и переругивались. Стражники в

кольчугах и темно-зеленых плащах пытались грозными криками унять общий гвалт, торопились проверить, все ли верно, – те ли прибыли, то ли привезли, что уговорено. Но повозок за воротами было еще видимо-невидимо.

Бывалые торговцы, однако, ждали молча, тихо посмеиваясь в густые бороды. Они знали – стоявших под открытыми воротами на дороге не бросали. Город жил торговлей и нуждался в торговцах не меньше, чем они в нем. Но если подоспел после сигнального пения рогов и ты не какая-нибудь важная персона – пиши пропало. Сиди себе на полянке, жги костерок до утра.

Располагался город очень выгодно: на скале, окруженной со всех сторон рукавом реки. По обе стороны от ворот, куда через обрыв вел подъемный мост, возносились круглые зубчатые башни. На крытой площадке меж ними тоже стояли стражники. Зоркие и бдительные, они обычно пристально осматривали близлежащий лес, однако нынче их внимание было всецело поглощено перебранкой у ворот.

Потому ни один из них не заметил, как невысокая фигурка, облаченная в темно-серый плащ с капюшоном, скользнула от крайнего дома к воротам. Незаметной тенью промелькнула она за спинами людей, в два счета пересекла мост и, пробежав вдоль повозок, бесследно скрылась в непроглядном лесу.

Оказавшись в безопасности, беглянка извлекла припрятанный под плащом светильник. Яркое пламя озарило худощавое девичье лицо с острым носиком, большими зелеными глазами, тонкими черными бровями и такими же черными волосами, беспорядочно облепившими высокий лоб.

– Ну вот, из города вырвалась, – прошептала девушка, словно пыталась приободрить саму себя. – Теперь бы травку отыскать, покуда в рог не прогудели...

Внимательно глядя по сторонам, она торопливо заскользила вдоль корявых еловых стволов, освещая светильником сырую, замшелую землю. В другой руке девушки тускло поблескивал старый нож, которым она аккуратно пригибала стебли травы.

Беглянка была очень худой: сплошь кожа да кости. Она куталась в тонкий, сплошь латаный плащ. И кралась, точно настороженный зверек, рискнувший выйти на охоту. Все дальше и дальше она углублялась в лес. Темнота густела, светильник горел ярче. От земли потянуло прохладой. Со стороны реки напал рваный, белесый туман.

– Где же ты, травка заветная, куда подевалась? – отчаянно прошептала девушка.

Она знала, ей нечего бояться, город был совсем близко. Но отчего-то страх заползал в сердце холодной змеей. Наконец, лезвие ножа коснулось резных оранжево-красных листьев. Девушка облегченно вздохнула.

– Сон-трава.

За спиной громко хрустнула ветка. Девушка вздрогнула и огляделась. Никого. Присев, она принялась осторожно срезать листья волшебной травы. Срезав все, стала рыхлить землю в поисках корней. Как вдруг сзади раздалось тяжелое сопение. Девушка замерла, позабыв, что надо дышать. Медленно выпрямилась и обернулась.

Свет выхватил из темноты уродливую клыкастую морду. На лобастой голове торчали огромные рога, будто это сами корни деревьев вырастали прямо из шерсти. Такого зверя ей не доводилось встречать. Она даже не знала, что он может существовать. Разве только в ее кошмарах.

Зверь громко принялся. Сбросив оцепенение, девушка хотела закричать. Но в тот же миг чудовище заревело и когтистой лапой сшибло ее с ног.

Стражник, пропуская в город последнюю повозку, вдруг обернулся и настороженно взгляделся в мутную даль.

Среднего роста, крепкий и поджарый, с темно-русыми волосами, стянутыми на затылке кожаным ремешком, он походил на молодого степного волка, почуявшего неладное.

– Ты чего это, Брав? – окликнул его напарник.

Невысокий, краснощекий и плотный, он скорее напоминал упитанного вепря. Круглое лицо обрамляла колючая рыжая борода. В карих глазах светились лукавые искорки.

– Я слышал рев, – ответил тот.

– Ну так что? – усмехнулся стражник. – Ну, зверь какой-то ревел. Мало их бродит в здешних лесах. Может, медведь.

– Непохоже. – Брав с сомнением качнул головой. – Уж очень странный был рев.

– Уж не решил ли ты, что это какой-то «волшебный зверь»? – Грузный стражник хлопнул его по плечу и резко загоготал. – Вечно ты со своим волшебством. Всюду тебе со звери тамошние, то оборотни с упырями мерещатся. Не надоело? Может, и жену в тех землях съешь? Такую, чтоб с клыками. Только ночью остерегись. Не то еще зацелует до смерти! – Довольный собственной шуткой, он снова зашелся хриплым хохотом.

– Скажешь тоже, Шнарф, – фыркнул Брав. – Тебе бы только насмешничать, да в трактире с девками пропадать.

– А разве не в этом счастье? – широко улыбнулся тот.

Брав неодобрительно покачал головой, но не ответил. Отвернулся и принялся ждать сигнала со сторожевой башни.

А девушка лежала на спине, скованная ужасом и болью. В ее широко распахнутых глазах застыл страх. Она не могла дышать, только хватала ртом воздух, как рыба, выкинутая на лед. Там, где грудь пронзили длинные когти-крюки, уже растекалось красное пятно.

Краем глаза она видела, как могучий зверь медленно приблизился. Огромный, лохматый, рогатый, точно чудище, порожденное где-то в мрачных недрах земли. Она почувствовала его тяжелое дыхание на своем лице.

Большие глаза в свете луны казались зловещими. Зеленые как болото, с красными прожилками, как разлитая по поверхности кровь. На самом дне их плескались ярость и смерть. Едва она взглянула в эти глаза, сразу поняла... Даже не так. Поверила: все было кончено. Над городом надсадно прогудел рог.

Страх истаял, осталась только ужасающая безысходность. А внутри нее уже разливалась та самая обессиливающая пустота. Девушка тщила кричать, но лишь задергалась и захрипела беспомощно и жалко.

Лязгнули клыки, вмиг раздробив ее шею. В девичьем рту забулькала горячая кровь, полилась по щекам и губам, хлынула за ворот. Но девушка этого уже не чувствовала. Жизнь покинула ее разом поблекшие и остекленевшие глаза. Мир безвозвратно поглотила тьма.

* * *

Хейта подскочила с земли, часто-часто дыша. Судорожно схватилась руками за горло, лихорадочно огляделась. В проем между деревьями лился ясный солнечный свет, а она была

целой и невредимой.

«Все хорошо. Всего лишь страшный сон», – мысленно успокоила себя девушка. Но внутренний голос тут же возразил: «Всего лишь? И только?» Ведь ей снились разные сны.

Те, которые она по пробуждении и вспомнить толком не могла, заботили Хейту мало. Но бывали сны яркие, четкие, слишком живые. Дед Шарши называл их *вещими*. Такие всегда исполнялись...

Порой эти сны рассказывали ей о прошлом. Зачем – она не ведала. Но приставала с расспросами к деду, а тот кивал: «Да, внученька, так все и было».

Порой ей виделось то, что вершилось сейчас. Как-то, лютой зимой, приснилось, что наведались из леса в деревню голодные волки и задрали деревенских собак. Так наутро и оказалось: с ошейниками утащили, а кровавые следы протянулись через всю деревню, как жуткие свежие шрамы на белоснежном лице.

А порой ей снилось что-то неведомое – то, чему, возможно, только предстояло свершиться. И давешний сон походил на один из таких. Ведь приснился ей, ни много ни мало, – Хольгэст, город, в который она направлялась.

Что это была за девушка? Давно ли сгнили в земле ее кости? Или пала той самой ночью, когда Хейта под деревьями почивала? Или еще ходила она, улыбаясь, по свету, не ведая, что судьба уготовила? Поди разбери.

Хейта вспомнила ярые красно-зеленые глаза зверя и невольно поежилась. Она слышала от пастырей о таких зверях. Они обитали в глуши, в потаенных недрах волшебных лесов. Но, хотя были хищными и опасными, злобным нравом не отличались.

Тот это был зверь или нет? И если тот, отчего напал? Вопросов было много, а вместо ответов – смятение и сплошные догадки. Но сердце ясно подсказывало, что стоило поторопиться. И Хейта заспешила.

Наскоро позавтракав материным пирогом, она утолила жажду у ближайшего ручья, запихала шерстяное одеяло в мешок и вынырнула из сосняка на каменистую дорогу.

Днем на небе сгустились тучи. Стало серо и безрадостно. Начал накрапывать дождь. Осень входила в силу, торжествуя отдаленными раскатами грома и рогатыми молниями.

Вечером Хейта нашла небольшую пещеру в скалах. Развела из хвороста костер, наскоро перекусила, тепло укуталась в одеяло и скоро уснула, убаюканная мерным шелестом дождя.

«Хейта! Хе-ейта!» – голос звучал точно отовсюду, однако она не видела, кто говорил. Настойчивый призыв повторился. Девушка заволновалась, заворочалась во сне и пробудилась.

Таинственный голос исчез вместе со сном. Но Хейте отчего-то было беспокойно. Она встревоженно огляделась. И тут будто что-то толкнуло ее изнутри – она не одна!

Выбравшись из убежища, Хейта чутко прислушалась. Со стороны ближайших деревьев донесся вкрадчивый шелест. Девушка медленно приблизилась.

Диких зверей Хейта не боялась, как обычных, так и волшебных. Она от пастырей унаследовала способность ладить с ними, и даже самые опасные, как правило, обходили ее стороной. Но мало ли какой недоброжелатель мог выследить одинокую путницу и притаиться в кустах?

Хейта ступала неслышно, для верности держа наготове правую руку. Собравшись с духом, она выступила на прогалину, внутренне готовясь к самому худшему. Но от увиденного вздетая рука ее опустилась сама собой.

На дубовой ветке сидело существо необычайной красоты. С ликом прекрасной девы, но телом птицы. Огромные золотисто-белые крылья были изящно сложены по бокам. Из-под них выглядывали лишь острые когти. А хвост дивного создания, пушистый, с лиловым отливом, свисал почти до земли.

– *Горэй*, – неверяще прошептала Хейта. – Вещая птицедева!

Давным-давно, когда она была еще ребенком, Фэйр поведал ей об этом существе. О том, что Горэй предвидит будущее, что ей ведомо все на свете, что она может вселить в сердце великую радость, но может посеять и смертельную печаль. Она являлась обычно в самые темные, роковые времена. Увидеть птицедеву выпадало лишь единицам.

– Горэй, – задумчиво проговорила дева. – Так меня называют дэронги. – Она улыбнулась мягко. – Насилу дозвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5f2>

notes

Удушница – воспаление легких (*Прим. автора*).

Физалис.

Здравствуй, дорогая Эйша.

Здравствуй, дорогой целитель.

Мать-и-мачеха.

Негодяи.